

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ™

МЕСТЬ ВАЛЬКИРИЙ

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец
Местъ валькирий

«Емец Д. А.»

2006

Емец Д. А.

Мечь валькирий / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2006 — (Мефодий Буслаев)

«Валькирия не может полюбить. Валькирия обязана принять вызов, кем бы он ни был брошен. Никто из встречавших валькирию прежде никогда не узнает ее. Иначе тайна защитит себя сама, и всякий услышавший ее умрет. Валькирию-ослушницу ждет суд Двенадцати». Таков непреложный закон. Убив в поединке полуночную ведьму, Ирка бросает вызов мраку. Уничтожить валькирию-одиночку должен именно Мефодий Буслаев. Копье валькирии и изменивший свету меч Древнира встретятся в бою, из которого выйдет живым только один. Ирка понимает, что Мефодий никогда не узнает ее в новом обличье. И, как бы хорошо он ни владел мечом, он уязвим. Ведь для победы ей достаточно просто назвать свое имя, и тогда свершится старое проклятие.

© Емец Д. А., 2006

© Емец Д. А., 2006

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	16
Глава третья.	26
Глава четвёртая.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий ЕМЕЦ

МЕСТЬ ВАЛЬКИРИЙ

КОДЕКС ВАЛЬКИРИЙ

1. Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах.

2. Никто из прежних знакомых валькирии не узнает ее. Валькирия не должна открывать никому тайны. Иначе тайна защитит себя сама, и услышавший ее умрет.

3. Валькирия должна держать под контролем свои звериные и птичьи воплощения.

4. Валькирия должна любить всех одинаково, никого не выделяя, и не может быть счастлива в любви. Того, кто полюбит ее, ждет гибель.

5. Валькирия должна принять брошенный ей вызов. Кем бы и при каких обстоятельствах он не был брошен.

6. Валькирию, которая нарушит пятое правило, ждет Суд Двенадцати.

Глава первая.

HONORES MUTANT MORES ¹

Одна минута тридцать секунд. Правая рука сдается. Почему-то всегда раньше левой. Я, что, скрытый левша, что ли? Локоть начинает трястись.

Минута тридцать пять секунд. Пот заливает глаза. Левый локоть поддается дурацкому влиянию правого и тоже трясется. А ну стоять, я сказал!

Минута сорок. Дыхание сбивается. Костяшки кулаков болят. Правая рука согнулась уже почти на треть. Выпрямить ее удастся лишь огромным усилием.

Минута пятьдесят. Трясутся оба локтя. Хочется все бросить. Начинает прогибаться таз. Тело пытается найти дополнительную опору.

Две минуты. Секундная стрелка прилипла к часам. Уже ничего не болит, но ничего и не хочется. Дышать получается только носом.

Две минуты десять. Локти не просто трясутся. Это, по-моему, просто мышечная судорога. Секундную стрелку едва видно.

Две минуты тридцать. Воля истаявает. Желание сдаться становится навязчивым. Неужели две минуты сорок? Краткое торжество. Капля воды, упавшая на язык умирающему от жажды. Сплошное издевательство.

Две минуты пятьдесят. Вновь наваливаются слабость и безволие. Все ясно! Это заговор часов! Умрите же, ничтожные!

Мефодия захлестывает негодование. Он смотрит на часы с ненавистью. Стекло темнеет и лопаются. Под часами внезапно обнаруживается светлая лужица растекшегося металла. Часы оплывают, как на картине Дали, и впитываются в трещину шербогатого паркета.

Досчитав до десяти (с каждым счетом руки все больше сгибаются), Мефодий перекачивается на бок – выставить колено и встать нормально нет сил – и долго лежит так, улыбаясь в потолок. Восьмые часы за два месяца. Отличный швейцарский хронометр стоимостью в автомобиль расплавлен негодующим наследником мрака, который устал стоять на кулаках.

¹ Почести изменяют нравы (лат.) Плутарх, «Жизнь Суллы», 30.

«Простоять на кулаках восемь раз по три минуты – это так просто. Особенно тому, кто никогда этого не делал», – сказал как-то Арей. Сказал и забыл. А Мефодий запомнил.

Ругая себя, Мефодий встает, подходит к столу и смотрит, сколько букв ему осталась. Одна, последняя. Он берет фломастер и записывает ее – «Л». Слово завершено. Вот оно на бумаге, похожее на цепочку дохлых пауков:

И Н Ф А Н Т И Л

Именно так три месяца назад, всплыв, назвала его Даф, и теперь Мефодий, как плетью, ежедневно подхлестывал этим словом свою слабеющую волю. С Даф они помирились, но все равно слово висело между ними в воздухе, точно меч Дамокла, к слову сказать, стража четвертой категории, без права ношения регалий.

– Инфантил! – повторял себе Мефодий. – Инфантил!

И неважно, занимало ли слово «инфантил» почетное законное место в словаре или просто было обрубком прилагательного. Жалило оно больно. Знала ли Даф, что одним случайно сорвавшимся с языка словом она имеет все шансы выковать из обычного подростка достойного наследника мрака?

Отныне Мефодий воспитывал волю ежеминутно. Он делал только то, что ему не хочется, и, напротив, старался не делать того, чего ему ужасно хотелось. Например, клал на стол перед собой большую плитку шоколада и не прикасался к ней до девяти часов вечера. Или настраивал заклинание так, что оно будило его в половине шестого. Он просыпался и сразу рывком вставал, потому что вокруг все было темно и серо, и хотелось застрелиться, но остаться под одеялом. Внутренняя стрелка воли и энергии, которую он представлял себе всегда очень ярко и материально, прилипла к нулю.

Понукая себя, он быстро одевался и выходил на улицу на трехкилометровую пробежку. Первый километр давался туго, так жутко хотелось спать, зато потом дело шло бодрее, и он возвращался в резиденцию проснувшийся и свежий. У дверей, напрашиваясь на пинок и получая его, околачивались обычно два-три ранних комиссионера, принесшие Арею эйдосы. Куцая и страшная очередь.

Но случались и неудачи. Гнусные провалы воли. Порой бывало, что, уже натянув спортивный костюм, Мефодий совсем обессиливал. Внутреннее махнув на все рукой, он падал на кровать и спал, спал, спал, пока его не будила Даф или Чимоданов не присылал к нему Зудуку, который, подкравшись, выпаливал из пистолета над самым ухом.

После каждого такого сбоя воли выгнать себя на пробежку на следующий день бывало вдвое сложнее. Как-то утром с Мефом увязалась Улита, бледная, с синими кругами под глазами, только что вернувшаяся из ночного клуба. Пропыхтела с километр и обратно в резиденцию вернулась на лимузине спешно вызванного Мамаю.

– Нетушки! Я и так развиваю волю. Не ем с двенадцати ночи до трех утра. Хватит! – сказала она, обрушиваясь на сидение. Хан Золотой Орды услужливо захлопнул дверцу.

Закрыв тетрадь самоконтроля, в котором паучье слово «инфантил» появилось в восьмидесяти шестой раз, Мефодий деловито огляделся. Он стоял в своей комнате на Большой Дмитровке, 13. Старый беззубый рояль у стены был завален книгами и тетрадами. Мефодий использовал его как письменный стол.

У книг стражей мрака был непростой нрав. Ночами они нередко переползали с места на место, шурша страницами. Самой неприятной книгой, от которой Меф с удовольствием избавился бы, была «История Тартара». Случалось, в полночь книга окутывалась серебристым сиянием. Из нее доносились ужасные вопли, скрип колес, лягз крючьев. Они пробивалась даже сквозь подушку, которую Меф натягивал себе на голову.

– Кто там кричит? – как-то спросил Меф у Арея.

– И всегда одним голосом? – подсказал Арей.

– Да.

– Трагикомическая история. Некогда книгу выкрал один маг, решивший постичь науку стражей. Зная, что просто так книга не позволит ему себя прочесть, он пошел на сделку. Он обещал ей свой эйдос, чтобы она позволила ему окунуться в ее премудрость. Именно так кудряво и звучало условие сделки. На этом он и погорел.

– И книга взяла эйдос?

– Само собой, в тот же миг. Только свое условие сделки выполнила своеобразно. Хочешь окунуться – окунайся. Она втянула бедолагу внутрь, и вот уже который век он путешествует по ее страницам. С одной картинки на другую. С виселицы на дыбу, а оттуда в какой-нибудь чан с жидким стеклом... – зевнул Арей.

Меф, наделенный не в меру живым воображением, передернулся.

– Но это же... гадко как...

Начальник русского отдела перестал зевать и посмотрел на него с холодным раздражением.

– Что-то я тебя не понимаю, синьор-помидор! Ты уж определись как-нибудь: собираешься ли ты управлять мраком или готовишь себя к высокому поприщу заведующего водокачкой, – отрезал он.

Мефодий ничего не ответил, но в тот же вечер втайне от Арея вырвал из «Истории Таргара» страницу, где несчастный маг был подвешен за ребро на крюк, и сжег ее над свечой, наблюдая, как желтеет и сворачивается книжный лист.

– Я буду управлять мраком, но так, как сам этого захочу! – сказал он, сдувая пепел.

Покалеченная «История Таргара» мстительно затаилась. Новые страницы отрастали у нее ежедневно, появляясь уже заполненными, по мере того, как продолжалась история мрака. Однако несчастный маг больше не вернулся. Ночные вопли прекратились.

Мефодий еще часа полтора просидел над книгами и, потянувшись, встал. Все. Выполнено все намеченное. Такое бывает нечасто, и, значит, сегодня можно над собой больше не измываться.

Он открыл дверь и вышел в гостиную – помещение неправильной геометрии, напоминающее хорошо побитый четырехугольник. Справа – лестница вниз. Слева – комната Евгеша Мошкина. По диагонали – дверь Наты. Прямо напротив Мефодия, рядом с зеленым диваном (некогда на нем кого-то ласково придушили подушкой, без чего бы диван никогда не попал сюда) комната Петруччо.

Даф, переехавшая от Зозо, жила еще выше, на чердаке. Вечерами оттуда доносились грустные звуки флейты, и комиссионеры, роняя чернильные слюни, бросались писать доносы. Лигул бережно подшивал доносы в папку, однако хода им пока не давал. Придерживал до поры. Даф нужна была ему для хитроумных комбинаций, которые он выстраивал, как шахматист дальновидно выстраивает партию.

Посреди гостиной у большого окна стоял Мошкин и сосредоточенно, одной силой мысли, выводил на стекле ледяные узоры. Получалась нечто причудливое, мало на что похожее. Точно задорное, щекастое, снежное лицо хотело заглянуть в окно и вдруг расплющилось о стекло. Последнее время Мошкин основательно увлекся рисованием на стекле и ледяными скульптурами. То, что на дворе был май, Евгешу мало волновало. При желании он смог бы рисовать изморозью даже на кипящем чайнике.

Евгеша был так увлечен, что Мефа не заметил. Заметив же, немедленно превратил рисунок в пар. Чаще Мошкин предпочитал рисовать изморозью у себя в комнате, но там окно было меньше, чем в гостиной. За десять месяцев, прошедших с тех пор, как Лигул выпустил Арея из

Тартара, Мошкин стал выше и шире в плечах. Правда, привычку задавать вопросы в стиле: «А я сегодня завтракал?» не утратил. Недавно ему исполнилось четырнадцать, столько же, сколько Мефодию, Нате и Петруччо, родившимся с ним в один день. С тех пор, как Лигул отпустил Арея из заточения в Тартаре, прошло десять месяцев.

– Ну и зачем? По-моему, было неплохо, – с сожалением сказал Мефодий.

– Что, правда? – воспрянул Мошкин. Как многие небесталанные люди он был бесконечно (и скрыто) самолюбив и, одновременно, столь же бесконечно не уверен в собственных силах.

– Угум, – кивнул Буслаев.

По лицу Евгеша он видел, что тот уже жалеет о том, что уничтожил рисунок.

– А я почему-то не люблю, когда кто-то смотрит. Хочется под пол провалиться! – сказал Мошкин с печалью.

– Прямо сразу и под пол? Так что же не проваливаешься? – заинтересовался Мефодий.

Технически это было вполне реально. Всего только и требовалось, что, сосредоточившись, мысленно начертить руну.

– Да ну... дыра в полу... дым... вонь... чинить заставят! – Мошкин грустно смотрел на растаявшую воду, стекавшую по подоконнику. Взглядом он собрал ее и отправил в стакан.

– Ты не врал, что было неплохо? – спросил он недоверчиво.

– Класс! – заверил его Меф.

Мошкин был ему симпатичен, и он покровительствовал ему, защищая от наездов колючего на язык, вечно взъерошенного Чемодана. Под этим сугубо для личного употребления прозвищем давно таился господин Петруччо, творец, покровитель и друг контуженного по жизни Зудуки.

Кстати, именно его хитрая физиономия просунулась в эту минуту в пропиленный лаз из комнаты Петруччо. За поясом у Зудуки торчал неизменный пистолет. Мягкие же руки волокли коробку, подписанную «СахОр». Надпись была сделана фломастером, и эта деталь сразу настояжила Мефодия. Убедившись, что Буслаев на него не смотрит (Меф незаметно наблюдал за ним боковым зрением), Зудука с независимым видом подошел к его ногам, поставил рядом коробочку с «сахОром» и торопливо нырнул в свой лаз. Мефодий немедленно наклонился, поднял коробку, набитую, как оказалось, спичечными головками, и сразу обнаружил тлеющий фитиль. Подождав, пока фитиль прогорит до половины, он присел, просунул коробку в лаз к Зудуке и стал караулить. Мгновение спустя запаниковавший вредитель вылетел в гостиную и сразу был схвачен за ногу ожившим этого Буслаевым.

– Ну что, Буратино, попался? Поиграем в игру: однажды Карабас-Барабас купил циркулярную пилу? – кровожадно предложил Меф.

Зудука, висевший ногами кверху, замотал головой.

– В другой раз, когда решишь меня взорвать, напиши на коробке «сол». Тогда, может, я поверю! – посоветовал Мефодий, отпуская его.

В комнате Чимоданова долгожданно полыхнуло. Дверь открылась от взрыва. Ссутулившись, почти скорчившись, над маленьким столиком кардинала Мазарини – натуральная реклама сколиоза, кифоза и лордоза – склонился хозяин комнаты Петруччо. Он даже не оглянулся. Взрывы были для него делом привычным. За исключением тех случаев, когда Зудука минировал больше двух ножек его стула разом, Чимоданов не обращал на проделки своего монстра внимания.

Петруччо был занят самым увлекательным и самым графоманским занятием из всех существующих в подлунном мире – законотворчеством. Определенная склонность к этому была у Чимоданова и прежде. Теперь же из него активно выковывался сложившийся бюрократ из той их части, что мечтает о преобразованиях. Кроме законов в чистом виде, он изобретал всевозможные постановления, правила и памятки, копии которых отсылал в Тартар Лигулу. На стенах комнаты, пришпиленные кнопками, висели бумажки в духе: «Проект улучшения работы

мрака (3 этапа)», «Компьютеризация канцелярии Тартара», «Создание единой базы данных по находящимся в умыке эйдосам», «Правила поведения темного стража в местах со светлой репутацией». Там же, на стенах, можно было обнаружить разрозненные листы из двух философских трактатов, принадлежавших тому же автору. Первый назывался: «Может ли абсолютное зло подать милостыню нищему, если впоследствии это не приведет к роковым для света последствиям?» и второй: «Становится ли серое черным без помощи извне?»

Читал ли Лигул присылаемые ему во множестве бумажки или нет – сказать не берусь. Однако, если читал, то, скорее всего, был доволен энергией своего младшего служащего.

«Ему следовало бы запретить рождаться со мной в один день!» – со вздохом думал иногда Мефодий. С его точки зрения, Чимоданов куда больше подходил для управления Тартаром, чем он сам. Если допустить, конечно, что мраку нужен был глава-чиновник, а не глава-воин.

– Убирайтесь и закройте за собой дверь! Подчеркиваю: я занят! – сказал Чимоданов, не оборачиваясь и продолжая писать. Он писал и попутно обкусывал ноготь на левой руке, должно быть, черпая из него кальций пополам с вдохновением.

Мефодий посмотрел на его затылок, и ему захотелось запустить в него чем-нибудь в меру тяжелым.

– Нечего закрывать. Взрывать надо меньше, – сказал он.

Чимоданов поверил и, перестав писать, озабоченно обернулся. Дверь, хотя и потемневшая, висела надежно, в чем Петруччо и убедился.

– Очередная дебильная шуточка? Подростковый юмор и все такое? – спросил он с досадой.

Меф не стал вдаваться в подробности.

– Эйдос за испуг! Всего хорошего! – сказал он и вслед за Мошкиным вернулся в гостиную.

Петруччо задумчиво посмотрел на обкусанный палец, проверяя, нет ли где перспективного кусочка для зубов. Мысли его шелкали четко и верно, как костяшки счетов. Даже не мысли, а целые блоки взаимосвязанных, крепко спаянных цепочек, где каждая предыдущая вела следующую за веревочку ассоциаций. Не исключено, что в голове его в данную минуту вызревал трактат на тему: «Можно ли говорить „всего доброго?“ слуге мрака, и не будет ли обращение „всего злого“ – слишком банальным и очевидным?»

Внезапно снизу, из приемной, раздался зычный голос Арея, созывавшего всех к себе. Мефодий вопросительно посмотрел на Даф, которая как раз спускалась по лестнице, ведущей с мансарды. На шее у нее, смиренный, как вылезший лисий воротник, висел Депресняк. Котик был сыт и настроен весьма благожелательно. Однако Зудука все равно на всякий случай юркнул за диван. Депресняка он побаивался.

– Ты слышала? Арей, похоже, вернулся, – сказал Мефодий.

– Похоже, да, – отвечала Дафна, сама порядком удивленная.

Накануне вечером, получив загадочное письмо, Арей помрачнел, собрался и сразу отбыл. Мефодий заметил, что, кроме меча, он захватил с собой еще и кинжал, который брал только в исключительных случаях. Зная, что Арей не любит ждать, все, включая Нату, появившуюся из комнаты, поспешили в кабинет. Начальник русского отдела стоял рядом с Улитой и с довольным видом поигрывал складками плаща. Его дарх – длинная и узкая сосулька на цепи – сиял больше, чем обычно. В нем ощутимо прибыло эйдосов, но откуда? Источник мог быть только один.

– Кто это был? – не выдержав, спросил Мефодий. Он знал, что Арей не терпит вторжений в свою частную жизнь, однако рискнул.

Барон мрака привычно нахмурился, но настроение у него было хорошее, и он, поколебавшись, ответил:

– Малоприятный субъект с ледяным дыханием... Один мечник из Нижнего Тартара...

– Из Ни-и-ижнего? – переспросил Меф. Он примерно представлял, чего можно ожидать от Нижнего Тартара.

– Да. Восемьсот лет он не знал поражений, тренировался и, надо сказать, достиг немалых успехов. В нападении он был совершенен, так совершен, что порой забывал о защите. Это его, в конечном счете, и подвело, – сказал Арей ровным голосом.

По тону его было ясно, что к разговору о мечнике из Нижнего Тартара он больше не вернется.

Неожиданно Чимоданов издал короткое восклицание и отшагнул, чтобы не наступить в красное, расплзающееся пятно.

– Что это?

– Где?.. А, пустяки! Кажется, мне пора сменить бинт, – сказал Арей с досадой.

Он поднял руку. Все увидели, что от кисти и до локтя она обмотана тряпкой, сквозь которую проступает кровь – багровая, жуткая, светящаяся в полумраке. Даф с ее вечной потребностью помогать несчастным, угнетенным и больным, бросилась к нему.

– Вы ранены? Я знаю отличную заживляющую маголодию! – предложила она с жалостью. В глазах Арея мелькнула усмешка.

– Блестящая идея! Давно мечтал, чтобы свет заштопал меня своей дудочкой... Да, кстати, а маголодии для увеличения роста тебе случайно не известны? Братская помощь малютке Лигулу, э-э? – поинтересовался он.

Даф вспыхнула.

– Я хотела как лучше. Просто помочь! Но если вы... если я... это просто гадость так говорить!.. – сказала она и, задохнувшись от негодования, отвернулась.

Арей смягчился.

– Извини. беру свои слова назад. Помогать мне не следует. Рану мне зашьет Улита. Она отлично справится, тем более, что рана не первая и не последняя... Но это, однако, забавно!

– Что вам забавно? – не поняла Даф.

– Забавно, до чего участливы те, кого сотворил свет! Воображаю, что творится в Эдемском саду! Вся златокрылая стража в полном составе помогает муравьям перебираться с листика на листик. Бедный муравей! Он, может, никуда и не собирался, а его схватили и перенесли!

– Мы не помогаем насекомых! – рассердилась Даф.

– А вот это ужасно! Нет, вы подумайте: бросить в беде несчастных козявок! А если на них кто-то наступит?.. Да, всегда хотел спросить: какое наказание избирает себе страж света, случайно раздавивший жука? Не изгнание, нет? – продолжал Арей.

– Стражи света далеки от ехидства и злобы. Что бы ни случилось, они лишь себя считают виноватыми. И наказывают себя, а не других. Свою чашу боли и вины каждый из нас пьет сам, – сказала Даф.

Ее словесный выпад, скорее защитный, чем атакующий, попал в цель. Мечник мрака помрачнел.

– Хорошо... – сказал он глухо. – Ты достойно ответила мне, светлая! Мою чашу боли, действительно, пьют другие. Да только каждую ночь она наполняется снова и снова... Однако я позвал вас не затем, чтобы обсуждать свои проблемы. Сегодняшняя ночь единственная в году, когда вы сможете узнать свою судьбу на ближайшие годы. И как, вдохновляет вас это?

Ната, на которую Арей посмотрел первой, пожалала плечами. Все, что не касалось непосредственно флирта или не имело к нему косвенного отношения, было ей глубоко неинтересно. Исключение составляли только вещи, связанные с уборкой в комнате (порядок – это святое!) и нестандартные кулинарные рецепты.

Ната отлично готовила и даже здесь, в резиденции мрака, не удержавшись, обзавелась переносной плиткой на две конфорки. Продукты она использовала только обычные, магиче-

ские же терпеть не могла. «Нет, вы подумайте: магическое молоко! Пятый день стоит и ни фи́га. Скисло бы, что ли, для приличия! Почему бы не сказать, что это дохлое пастеризованное молоко от дохлой пастеризованной коровы!» – говорила она.

– Не слышу внятного ответа. В резиденции хранится некий предмет, первым владельцем которого был Синяя Борода. Вам что-нибудь говорит это имя? – продолжал Арей.

– Жен убивал, – сказал Чимоданов, втихую грозя кулаком Зудуке. Прячась под столом, Зудука чиркал спичками и пытался подпалить пергаменты, принесенные Улитой на подпись.

– И у него в замке была комната, куда нельзя было заглядывать. Не подвал, нет? – ответил и сразу усомнился Мошкин.

Арей небрежно кивнул, будто стряхнул что-то с волос, и посмотрел на Улиту.

– Скучно, друзья мои, скучно. А ты-то что хоть помнишь?

– Синяя Борода – маг-тартарианец двенадцатой категории. Хотел перейти в одиннадцатую и нуждался в некроматериале. Страдал угрызениями совести и провоцировал жен нарушать запрет. Кстати, одиннадцатой категории так и не выслужил из-за изменений правил ценза. Впоследствии женился на Грызиане Припятской и загадочным образом умер от удушья, проглотив во сне язык. Грызка, говорят, была безутешна... Лично сглазила портниху, которая сделала траурное платье слишком закрытым... – не то бойко ответила, не то насплетничала Улита.

– Да. Все верно, хотя и с лишними подробностями. Нас, однако, интересует не Синяя Борода, а некий принадлежавший ему артефакт... – согласился Арей.

Он наклонился, не глядя, брезгливо поймал Зудуку за ухо и, открыв дверь, выбросил в коридор. В полете Зудука разбрасывал горящие бумажки. С удовлетворением убедившись, что он свалился точно в фонтан, мечник мрака подошел к стене кабинета и принялся методично простукивать ее снизу вверх. Простучав стену, Арей решительно начертил извилистую руну примерно на высоте своего плеча. Послышался звук, какой бывает, когда камень трется о камень. Открылся узкий проход. Мефодий вопросительно посмотрел на Арея. Он ожидал, что тот пойдет первым, однако барон мрака спокойно отступил в сторону.

– Есть вещи, которые можно увидеть однажды в жизни. Мой день сделать это или не наступил еще, или давно прошел. Сейчас мы не станем вдаваться в подробности, – сказал он.

Мефодий заглянул в сырой узкий ход. Забиваться в эту нору совершенно не хотелось.

– Значит, я иду один? – спросил он.

– Нет. С тобой пойдут еще трое и Даф. И имейте в виду: каждый, кто перешагнет порог, сможет вернуться, лишь узнав свою судьбу, – сказал Арей.

– А Улита не идет, нет? – с надеждой спросил Мошкин.

Ведьма похлопала его по щечке. Акселерат Евгеша был с ней одного роста, даже чуть выше.

– Ты, Мошкин, сплошное хорошее настроение в таблетках. Мне нельзя. Какое у меня будущее? У меня нет эйдоса, малыш! Да и вообще чего я там не видела? – сказала она так бодро и весело, что в эту бодрость и веселость поверил бы лишь полный даун.

Из узкого прохода тянуло гнилой сыростью. Даф потихоньку достала флейту и держала ее в опущенной руке. Арей, заметив это, усмехнулся, и Даф поняла, что флейта ей не понадобится. То, что таилось во мраке, явно не обуздывалось маголодиями. Первым в потайной проход прокрался Депресняк. Даф посмотрела на его крылья, центр которых не вздувался горбом, и, спокойно спрятав флейту, отправилась следом.

Едва последний из пяти вошел, вновь послышался гул. Каменный мешок захлопнулся. Пустые десны темноты безрадостно приняли добычу. Арей сел за стол и задумался.

– НО! Измена! Нас замуровали! – взвизгнул с той стороны Чимоданов.

Кинувшись к стене, он принялся пинать ее ногами и бить кулаками.

– Прекрати истерику, болван! Иди вперед! – остановил его раздраженный голос Даф.

Даф крикнула это и осеклась, соображая, во сколько темных перьев обойдется ей этот «болван», если о нем узнают в Эдеме. Признают ли его «бранной лексикой» и «осуждением ближнего» (полтора темных пера сроком на 50 лет) или великодушно примут за «чересчур эмоциональное выражение» (0,25 пера сроком на месяц)?

Поняв, что камень ему не сдвинуть, Чимоданов утих и обернулся. В конце прохода брезжил голубоватый магический свет. На небольшой площадке стояло нечто четырехугольное, скрытое наброшенным покрывалом. Депресняк прыгнул, вцепился в покрывало когтями и, к крайнему своему изумлению, съехал с ним вместе. Показался темный деревянный бок с резными мелкими вставками, с узором из перламутра. Расположенная сбоку ручка дрогнула, и тихая заикающаяся музыка заполнила комнату.

– Шарманка, – сказал Мефодий.

Ната со своей патологической страстью к чистоте хотела машинально стереть пыль, но Даф удержала ее.

– Не надо!

– Почему? Что хочу, то делаю! А ну отпусти, светлая! – Ната рванула руку.

Пожав плечами, Дафна разжала пальцы.

– Да пожалуйста, раз жить надоело! Видишь мелкие фигуры сверху? Места еще навалом.

Схватив Депресняка, она без церемоний зажала его под мышкой. Зажала очень нелепо: мордой назад. Как же все-таки славно, что на шарманке оказалось покрывало! Коту очень повезло.

Ната покосилась на фигуры.

– Они же деревянные! – сказала она гораздо спокойнее.

– Деревянные, да... А теперь посмотри на лица!

Ната всмотрелась и поспешно шагнула назад.

– «Некоторые люди коллекционируют шарманки. А некоторые шарманки коллекционируют людей». Общее и сравнительное артефактоведение. Седьмой год обучения, тема: «Понятие исключительного баланса», – озвучила Даф.

Мефодий осторожно обошел шарманку вокруг.

– Да, невесело. Что-то в духе: рыбак копает червей, и ест рыбу, которая ест червей, которые рано или поздно съедят рыбака, – мрачно пошутил он.

– Но не его эйдос! – назидательно напомнила Дафна.

– Угу. Эйдос уволочет Тухломон, когда рыбаку будет важнее вытащить метровую шуку, чем сохранить душу... Ладно, тема закрыта. Так что, вообще нельзя трогать шарманку?

– Только ручку. Причем, если отнять ладонь, даже случайно, вторично братья за нее нельзя! Неплохое изобретение, особенно когда ловишь тех, кто сто раз отдергивает пальцы, прежде чем взять горячую кастрюлю.

– Откуда ты знаешь? – быстро спросил Мошкин.

– Неважно. ОГС: Одна-Горгона-Сказала, – небрежно уронила Даф.

Ссылаться на курс элементарного предвидения она почему-то не стала. Возможно потому, что это был пятсот третий год обучения.

– Работает это так! – продолжала Даф. – Вы беретесь за ручку и поворачиваете ее один раз, не касаясь корпуса шарманки. Вот и все. Предсказание, которое вы получите, и будет предсказанием вашей судьбы.

– Ерунда! Ничего она не предсказывает! – запротестовал Чимоданов.

Вернее, только собрался запротестовать, потому что шарманка вдруг пробудилась. Скрипучий голос в ней произнес:

«Ерунда! Ничего она не предсказывает! – пропищал Петруччо Чимоданов».

– Кто пропищал? – растерялся Чимоданов.

«Кто пропищал?» – скажет жалкий и ничтожный Чимоданов», – наябедничала шарманка.

– Ты что, оборзела? – взбешенный Петруччо шагнул вперед, занося ногу.

«Мизерный в своем убожестве Чимоданов пинает шарманку и погибает в страшных судорогах», – подсказал скрипучий голос.

Петруччо трусливо попятился.

«Смылся», – кратко прокомментировал вещий голос. Деревянные фигурки на крышке шарманки закружились в однообразном танце. В их механических движениях, раздробленных на замирающие такты, было что-то гаденькое. Нечто похожее на растянутый во времени смех.

Даф озабоченно подняла голову. На полированной крышке шарманки встретились две звезды. Тонкий голубой луч, в котором как ведьмы на шабаше, носилась пыль, упал на зеркало в центре шарманки, раскололся на отдельные лучи и из суетливого хоровода деревянных фигурок выхватил пять лиц.

Даф почти не удивило, когда в одном из деревянных лиц она узнала себя. Разве что сердце забилось сильнее. *Шарманка действительно знает. И ее предсказание действительно сбывается!* Вот только имеет ли право страж света прибегать к знанию, полученному от артефакта мрака? Не будет ли это знание, пусть даже и абсолютное по форме – ложным по сути и смыслу?

Но отступить было поздно. Шарманка уже пылала жаром, как раскаленная полоса металла. Казалось, она вырезана агрессивным резцом прямо на покорном воздухе. Потолок дал трещину. Струйка песка со зловещей избирательностью сбежала Мефодию за ворот.

– Пора! Если хотите – я первая! – сказала Даф и, подавая пример, взялась за ручку. И хотя сама шарманка пылала, ручка была холоднее льда.

Дафна повернула ее и торопливо отступила, чтобы случайно не коснуться еще раз. Деревянная фигурка, похожая на нее, разомкнула губы и произнесла:

Служа своим —
Идешь ты до конца.
Но кривит ночь в усмешке
Черные уста.

Даф побледнела и задумалась. Один из пяти лучей погас. Следом за Даф к шарманке хотел подойти Чимоданов, но его опередил Мошкин. Евгеша, видно, решил, что раз все равно придется это сделать, то чем скорее отмучился, тем лучше. С опаской глядя на раскаленную шарманку, он торопливо схватился за ручку, сделал оборот и застыл, ожидая пророчества.

– Эй, ты уснул? Отпусти ручку! Теперь иди ко мне! – подсказывая, прошептала Даф.

Лишь со второй попытки Евгеша услышал и отошел от шарманки. Деревянная фигура, такая же нелепая как он сам, со скрипом повернулась:

Вода и лед должны
Создать огонь.
Но будет тот огонь
Воде подобен, льдом рожден.

На лице Мошкина облегчение смешалось с крайним удивлением. Он явно ожидал услышать что-то более внятное и менее запутанное.

– Теперь я! – сказал Чимоданов. – Все брысь отсюда!

Он решительно повернул ручку. Юркая фигурка, очень похожая на него самого, трижды провернулась вокруг своей оси и, выплыв в пятно света, отчетливо проскрипела:

Бывает добрым зло,
Бывает темным свет.
И лишь серой душе
Спасенья в мире нет.

– Кто серый-то? Кто серый? Сама-то хоть поняла, что сказала? Понимаешь, говорю, что несешь? – сердито забормотал Чимоданов.

Шарманка погасала. Ее красные контуры не казались больше пылающими. Звезды почти разомкнули призрачные объятия. Лишь две фигурки стояли теперь в пятнах голубоватого света. Рука Наты дрогнула, когда она коснулась ручки. К счастью, у нее хватило ума не отпустить ее, а, напротив, пугливо вцепиться сильнее. Поняв это, Ната растерялась и провернула ручку шарманки ни один раз, а два.

Шарманка задумалась, заскрежетала, но, видимо, нарушение было не очень серьезным, и она ограничилась тем, что вместо одного пророческого четверостишья выдала два:

Ты ожидаешь в жизни
Скорых перемен.
Но коль любовь продашь —
Получишь много ли взамен?

Да, сможешь не любя
Любовь завоевать.
Но можно ту любовь
Лишь суррогатом звать,

– сообщили ей деревянные губы. Ната скривилась, совсем не довольная тем, что услышала.

Теперь лишь одна фигура осталась в пятне света – уверенная мальчишеская фигура с длинными деревянными волосами.

– Чего ты тянешь? Если звезды разомкнутся, тебе придется остаться в каменном мешке на год! – поторопила его Дафна.

Но Мефодий не спешил. Испытывая волю, он заставил себя досчитать до пяти, спокойно подошел к шарманке и твердо повернул ручку, ладонью ощущая, как она поворачивается с негромким потрескиванием. Убедившись, что поворот завершен, он отпустил ручку и отошел.

Шарманка едва рдела. Фигурка поворачивалась с усилием, замирая, точно игрушка, у которой заканчивается завод.

«Ну что ты тянешь? Скажи хоть что-то!» – торопил Меф. Голова фигурки была пугающе похожа на его собственную. Такой же лоб, чуть запавшие усталые глаза, такие же собранные в пучок волосы.

Томительная пауза прерывалась лишь механическими щелчками. Щелчки становились все реже. Когда казалось, что завод закончился и шарманка умерла, медлительный, замирающий голос произнес:

Должно добро вонзить
Клинок в добро.
Хоть торжествует мрак —
Ему не повезло.

И сразу – тишина. Усталая шарманка замолкла. Разомкнувшиеся звезды медленно погасали. Даф подняла покрывало и осторожно, чтобы случайно не коснуться, набросила его на артефакт.

– Больше никто из нас его не увидит, – сказала она.

Где-то близко с глухим звуком отодвинулась плита. Арей ждал их. Продолжая сидеть за столом, он кормил клочками пергамента мраморную жабу-пепельницу. Жаба с жадным чавканьем пожирала бумагу, разрастаясь на глазах. Подняв глаза, Арей неторопливо сосчитал вошедших взглядом.

– Вернулись, как я вижу, все. И что? Услышали что-нибудь достойное? – поинтересовался он.

Чимоданов начал было с негодованием пересказывать пророчество, но Арей остановил его небрежным движением руки.

– Не трудись, дружок! Я все равно ничего не запомню и не смогу разделить твое возмущение, – заметил он.

«Арей и не запомнит? У него что, склероз?» – недоверчиво подумала Даф и тотчас спохватилась, что, несмотря на уникальную память, сама не помнит ни слова из того, что шарманка предсказала Мефодию. И не только Буслаеву. Остальные пророчества она тоже забыла, за исключением того, что предназначалось ей. Должно быть, такова магия была шарманки. Каждый должен знать лишь собственную судьбу.

«Должно добро вонзить
Клинок в добро», —

– с неприятной ясностью вспомнил Буслаев.

«Клинок – это, конечно, мой меч. Вдруг здесь говорится о том, что я убью Даф?» – подумал он.

Глава вторая. ПЛЕМЯННИЦА ПРАМАТЕРИ ЕВЫ

Истинное счастье состоит в том, чтобы не реагировать на настроения извне. Ни на вопли, ни на профессиональную истерию, ни на непонятные желания непонятных людей. Сохранять огонек, как сохраняет его свеча, закрытая стеклом от пронизывающего ветра. С другой стороны, такое счастье сродни счастью тихого сумасшедшего в палате для буйных.

Инструкция стражей света № XXI

– Ну, как твои дела? У тебя, конечно, все плохо? – спросил Эдя, едва сестра, буксировавшая тяжелый чемодан на колесиках, вошла в квартиру.

Не потрудившись закрыть дверь, Зозо стряхнула с ног туфли, упавшие где попало, как неуправляемые реактивные снаряды, и мрачная, точно экстракт ночи из магического магазина, молча прошла на кухню. Эдя последовал за ней. Зозо взяла с подставки электрический чайник, побултыхала, проверяя, не пустой ли он, и стала пить холодную воду.

Я тоже обожаю накипь. В ней много тяжелых металлов, столь необходимых хрупкому организму для естественного и сбалансированного старения! – одобрил Хаврон, заметив, что сестра брезгливо счищает что-то пальцами с кончика языка.

По-прежнему не произнося ни звука, Зозо швырнула в брата чайником, который Эдя поймал с ловкостью человека, у которого нет (и никогда не будет) лишних денег. Зозо села на стул и, ссутулившись, уронила руки на колени. Ее взгляд несфокусированно уперся в кафель над раковиной. На кафеле повисли в пространстве унылые фрейдовские морковки. Эдя подумал, что Зозо выглядит как человек, едва дотащившийся домой на ослабевающих батарейках, которые теперь окончательно разрядились.

Хаврон некоторое время созерцал сестру, а затем выдал:

– Не очень-то ты похожа на человека, который только что вернулся из Египта. Где загар? Где восторг? Где разбитые сердца? Где пирамиды в глазах?

– Там в чемодане есть сувенирная пирамида за два евро. Можешь взять ее и подавиться, – едва разжимая губы, сказала Зозо.

– Оставь свои фантазии для доктора! – хладнокровно посоветовал Эдя. – Я не хочу давиться пирамидой за два евро. Я хочу знать: кого мне подсунули взамен моей сестры? Ругачую мумию Тутанхамоники?

– Отвали!

– Не груби! Я же из лучших побуждений. Мужа, как я понимаю, снова нет? Принц на белом коне был раздавлен рейсовым автобусом по дороге к загсу?

Зозо посмотрела на брата с дзотным прищуром. Ее организм поспешно встряхивал и заряжал батарейки для семейной разборки.

– Не лезь в бабьи дела, ты, зацикленный озабоченный циник! – сказала она с презрением.

– Да запросто не буду лезть! – легко согласился Эдя. – А ты не живи со мной в однокомнатной квартире! Думаешь, мне не надоели телефонные разговоры по ночам и слезы в ванной комнате? Ванная нужна, чтобы чистить зубы. Плакать надо в... хм... ну не знаю... в каком-нибудь другом специально отведенном месте.

– Хаврон! Ты сволочь! Ты развиваешь во мне неуверенность. Программируешь на неудачи! – убежденно заявила Зозо.

– Да уж, – сказал Эдя. – Скажи еще, что у меня черный рот.

– У тебя черный рот!

– И я всегда был дураком... – подсказал Эдя.

– И ты всегда был дураком! И кабаном, и хряком! – подумав, добавила Зозо, зная болевые точки брата. В конце концов, как еще могли дразнить в школе Эдичку со свиной фамилией?

Эдя, в котором всколыхнули болезненную, всю жизнь не зарастающую детскую обиду, стал искать, к чему бы ему придраться.

– А вот это уже лишнее! Можно подумать, сама ты не Хаврон!

– Я Буслаева, Эдичка! Красивая такая русская фамилия с новгородским уклоном. Могу паспорт показать. Никаких Хавронов я знать не знаю, ведать не ведаю; – сказала Зозо, порываясь и в самом деле показывать паспорт.

Однако Хаврон от рассматривания паспорта отказался, заметив вскользь, что паспорт опытному человеку подделать – это два часа работы.

– Повезло же с такой сестричкой! – заявил он.

– Кто тебе сказал, что я твоя сестра? Твои родные сестрички – тупость, глупость и нелепость! Я же твоя совесть! – гневно одернула его Зозо.

Хаврон с тревогой посмотрел на нее, покрутил пальцем у виска и отошел от греха подальше. Зозо мало-помалу оттаяла. Проскучав на стуле минут десять, она вновь ощутила себя бодрой. Энергетические батарейки подзарядились.

– Эдь, иди сюда! Знаешь, как звали одного мужика, с которым мы сидели за столиком? Диего Витальевич! Нарочно не придумаешь! – вспомнила Зозо.

– Почему? Нарочно как раз очень даже придумаешь, – из упрямства не согласился Хаврон.

Зозо пожала плечами и отправилась в комнату разбирать чемодан. Эдя, утративший было к сестре интерес, мгновенно вновь обрел его и протянул загибающие ручки к сувенирам. Купленного специально для него кожаного верблюда, набитого песком, Эдя потрогал за ногу, но не оценил и посоветовал оставить Мефодию. Зато он сразу запал на две безразмерные майки с пляжным рисунком.

– Зозо, тебя надо срочно расхомячить! Женщине вредно иметь слишком много собственности! – заявил он, решительно забирая их.

Зозо безропотно уступила, однако когда обнаглевший братец потянулся к деревянному кинжалу из красного дерева для разрезания бумаг, она шлепнула его по руке.

– Брысь отседа! Это не тебе! – А кому тогда?

– Тесову.

– Какому Тесову?

– Георгию Даниловичу, – сказала Зозо с вызовом.

Хаврон старательно поскреб по сусекам памяти и наскреб-таки – нет-нет, не колобка – а румяное радостное существо в махровом свитере.

– Погоди-ка! Это не тот писатель в стиле «Упавшие с моста разбойники тонули и кричали „SOS“?»

– Нет, не он! – быстро отреклась Зозо.

– Ну как же! Он еще читает лекции в педуниверсе, а в свободное время детективы переводит? Ну типа: «Я мстю, и мстя моя страшна! – сказал мистер Гадкинс, закладывая бомбу в детский горшок».

Зозо нахмурилась, оберегая от брата очередную свою иллюзию.

– А ты не завидуй! Сам небось даже фантик от шоколадки перевести не смог бы...

Пуля пролетела мимо цели. Хаврон не был честолюбив.

– А еще у твоего кадра в ушах были ватки! – добавил он, подумав.

– Как ты разнюхал? Разве вы знакомы? – расстроилась Зозо. Такой подробности она, признаться, не углядела.

– Ну как же! Ты еще приглашала его икеевскую табуретку скручивать... Ну ту, которую сама накануне раскрутила. Ах-ах, я вся такая беспомощная, такая тютя! Жаль, я ему не сказал, что ты даже башенный кран можешь починить вилкой.

– Только попробуй вякнуть. И вообще что за дурацкая привычка сидеть по вечерам дома? – огрызнулась Зозо. – А переводами он занимается от безысходности, для хлеба. На самом деле он филолог, Пушкиным занимается. А в душе он поэт.

Эдя пожал плечами. Он давно привык к тому, что сестра его способна углядеть поэта в ком угодно. Даже в продавце зонтиков у Курского вокзала.

– Поэт с ватками в ушах? Фу! Это не демонично, – сказал Эдя.

– Какая разница? Может, у него уши тогда болели? – поморщилась Зозо.

– Болят уши – отрежь их и съешь, если кушать хочется, но оставайся поэтом! А детективчики не переводи! Вот! – возразил Эдя.

– А ты не суди – и сам не сядешь! Поэт тоже человек и имеет право визжать и возмущаться, когда ему подсунут в обменнике фальшивую сотню, – возразила Зозо.

Хаврон ехидно потер ладони.

– О! Мы еще и в обменниках визжим! Как все запущено! Нет, милая моя! Визжать поэты не имеют права. Вот вызывать на дуэль или писать эпиграммы – это сколько угодно.

Как всякий циник, в глубине души Эдя был идеалист и потому кусал мир, что он не соответствовал его размытым, неопределенным, но, вне всякого сомнения, величественным идеалам. Вот только становится ли мир лучше оттого, что несколько циников пинают его ногами, пытаюсь разбить толстую, как у грецкого ореха, скорлупу и добраться-таки до ядра?

– И вообще: у многих поэтов есть странности. Фет, например, был жадный, а Маяковский мнительный... И что, кого-то это сильно трогает? – огрызнулась Зозо.

С Тесовым она познакомилась месяца за два до поездки в Египет. Роман как-то сразу стал вялотекущим, как грипп, и слезливым, как вирусный конъюнктивит. Зозо сразу выбросила его из головы, надеясь на курортное чудо. Однако в Египте ничего интересного не подвернулось, и Зозо, как мудрая и дальновидная женщина, вновь начала подогревать в себе нежность к Тесову.

Тем временем Эдя разделся до голого торса и отправился в ванную примерять майки. Попутно он разглядел себя в зеркале и даже повернулся боком, чтобы оценить, насколько величественно выглядит при таком обзоре. Мускулатура у Хаврона была довольно внушительная, но несколько отягощалась пивным бурдючком, который, начинаясь чуть ниже солнечного сплетения, упорно доказывал свое происхождение от комка нервов.

«Надо было попросить Трехдюймовочку, чтобы она живот куда-нибудь дела... Но она так быстро умотала, когда маги перестали за ней охотиться» – подумал он озабоченно.

– Нет, все-таки он поэт. Ему знакомы муки честолюбия. Знаешь, что он мне как-то сказал? «Я мог бы побить Пушкина, родись я в другую эпоху!» – донесся из кухни голос Зозо. Думая, что Эдя слушает, она все это время разговаривала сама с собой.

– Угу. Многие могли бы. Ломом в подворотне. Знаем мы таких, – заметил Эдя, с удовольствием отмечая, что в майке живот бесследно исчез.

Зозо невольно хихикнула. Несмотря на желание быть Буслаевой, она все-таки была урожденной Хаврон.

– А еще он ужасный чистюля! У него две зубные щетки, – неожиданно для себя наябедничала она. – По количеству зубов? – отозвался братец, Зозо снова хихикнула, но немедленно взяла себе в руки. Посмеяться над Тесовым можно будет и после, в случае, если он не оправдает возложенных на него надежд. Пока же рано еще себя расхолаживать. Напротив, имеет смысл напиться к Тесову возможно большей заочной нежностью. Зозо была опытная женщина и понимала, что самый надежный и окупаемый способ быть любимой – это любить самой.

Именно поэтому влюблялась быстро и профессионально, не слишком приглядываясь к недостаткам и тренированной фантазией раздувая достоинства.

Вот и сейчас Зозо моргнула и с некоторым усилием пробудила в памяти дорогие черты. Поэт, лектор и переводчик Тесов встал перед ней как живой. Впрочем, он и был живой и даже разведенный.

– Хаврон! Ты дурак и мелкий завистник. Тема закрыта. Еще раз вякнешь – отберу майки, – сказала она сухо.

Эдя не стал рисковать майками и оставил Тесова в покое.

Закончив разбирать чемодан, Зозо решила вспомнить о сыне. Последнее время они виделись редко. И всякий раз Мефодий казался ей отрешенным. Когда она что-то говорила ему, он вежливо слушал и кивал, временами поглядывая на часы. Больше всего Зозо пугала усмешка, иногда появлявшаяся на его губах, когда она, как ей казалось, пыталась поговорить с ним серьезно. Усмешка эта была снисходительной, словно все материнские откровения Зозо являлись для него детским лепетом. Не будь Зозо так безумно занята своей собственной жизнью, возможно, ранняя самостоятельность сына тревожила бы ее куда больше.

Последний раз они виделись незадолго до ее отъезда в Египет, на дне его рождения. Меф тогда заскочил домой буквально на час-полтора. И сейчас еще на столе, который по привычке продолжал считаться столом Мефодия, лежала открытка. Зозо знала, что если открыть ее, то заиграет музыка и ее голос, пойманный хитрым диктофончиком, скажет:

Дорогой Мефочка!

Твоя мамочка поздравляет тебя с 14-летием. Четырнадцать – это очень важный рубеж. С него начинается третье, самое ответственное семилетие в жизни каждого человека. Будь всегда таким же умным и добрым мальчиком!

*13 апреля 20** г.*

Зозо огорченно царапнула открытку розовым ногтем. Похоже, Мефодий не слишком оценил подарок, раз даже не взял его с собой. Откуда ей было знать, что ему хотелось держать домашние дела в секрете от настырных комиссионеров и сиропно-приторных суккубов?

Взяв с полки альбом с фотографиями Мефодия, наспех отщелканными на мильницу здесь же, в день его четырнадцатилетия, Зозо пролистала его. Вот Мефодий обнимается с Эдей. В глазах у обоих отблескивает вспышка, и они кажутся красными, как у двух вурдалаков. Вот Меф задувает свечи, воткнутые в торт из кондитерской. Вот Мефодий уже с Зозо. Стоит с видом «Эдя-ну-щелкай-же-скорее-как-все-это-достало». Макушка Зозо достает ему примерно до уха. Вымахал детина! А вот Зозо зачем-то щелкнула Мефодия со спины, когда он отвернулся. Светлый хвост длинный, до середины лопаток. Волосы блестящие, ухоженные. «Похоже, мальчик начал следить за собой», – удовлетворенно подумала Зозо, не зная, что волосы Мефодия напитываются злом. Ее несколько удивило, что ни на одной фотографии не было Даши, хотя в тот день она была у них в гостях и снималась охотно. Откуда Зозо было знать, что Даф просто не пожелала оставаться на фотографии?

Зозо задумалась, ощущая потребность выразить свои сложные, неуловимые мысли. Но так как мысли не хотели выражаться, а потребность становилась свербящей, она прибегла к одному из общечеловеческих клише, заготовки которых, как известно, рассеяны в воздухе.

– Нет, ты подумай! Моему сыну четырнадцать! У него сорок третий размер обуви и рост сто семьдесят семь сантиметров! Для женщины, которой никто не дает больше двадцати семи, иметь в сыновьях такого лося просто неприлично! – кокетливо сказала она Эде.

Хаврон скривился. Очень профессионально. Он всегда кривился так, словно его угостили по меньшей мере лимоном, одна сторона которого была обмазана горчицей, а другая хреном. Слушать женщину – последняя вещь, которую должен делать мужчина. Если женщина любит ушами, то мужчина больше любит, когда уши не загружают посторонними звуками. Особенно если эти звуки производит родная сестра или кто-нибудь из родственников.

– Зоя, перестань!.. Не репетируй! Я твой брат! Я отлично помню, на сколько лет ты меня старше, – сказал он лениво.

– Ничего ты не помнишь! И вообще: ты не родитель. Тебе не понять, что такое иметь взрослого сына, – воскликнула Зозо.

– Оно конечно. Любить детей и иметь детей – это два разных диагноза, – согласился Эдя. – Но вообще-то почему это я не родитель? Очень даже родитель. Твоему оболтусу четырнадцать. А моему минус десять.

– Как-как-как? Какие еще минут десять? – удивилась Зозо.

– Потому что раньше чем через десять лет я до отцовства все равно не дозрею. Вообрази себе только: я и какой-нибудь памперс: «Пап, купи шоколадку!» Да, щас! Разбежался! Сопли не замерзнут, нет? Иди сам заработай! – заявил Эдя с такой решимостью, словно в ногах у него уже крутился маленький и наглый хавроненок.

Зозо посмотрела на брата с чисто медицинским беспокойством.

– Утихни! Для отца ребенка, которому минус десять лет, ты как-то слишком развоевался! – утихомирила она брата.

Эдя осознал это и утих. Зозо сделала пару звонков и учесала к знакомой парикмахерше. Ей хотелось привести себя в порядок, чтобы во всеоружии обрушиться на лектора-тире-переводчика-тире-де-моническую-личность-с-ватками-в-ушах.

За те девять-десять месяцев, что мы не виделись, в жизни у Эди Хаврона мало что изменилось. Он нашел было работу в ресторанчике, который изо всех сил старался казаться японским, но продержался там совсем недолго. В память о японском ресторанчике у него осталась разве что привычка называть разбавленную водку «саке» и кланяться, подавая счет. Рассуждая глобально, Эдя был человек, в котором сталкивались две струи характера: природная бойкость и беспокойство мысли мешали ему делать все на троечку, с разумным пофигизмом и кое-как, в общем русле, тащиться по жизни. Лень же, не менее природная, препятствовала чудесам трудового героизма и мешала продвигаться по службе. Ураган этого парадокса сотрясал его всю жизнь. Наконец компромисс был найден – и теперь Эдя вновь не делал ничего.

В личной жизни что-то такое мелькало и цепляло порой довольно больно, да все как-то навывлет.

В сердце стрелы купидона пока не попадали. Либо купидоны целились небрежно, либо сама мишень была слишком бронирована эгоизмом.

Эдя взял с подоконника анемичную грушу сорта «конференс», обтер рукавом и мрачно укусил. Фрукты он никогда не мыл. Пресловутое же движение рукавом объяснял в том смысле, что давит микробов. Микробы не протестовали и, проваливаясь в журчащий соками желудок, покорно обживались на новом месте.

Не успел Эдя доесть грушу, как неожиданно у него зачесался нос. Едва он воздал носу желаемое, как немедленно, не отходя от кассы, зачесалась и шея. А тут еще ложки и вилки дождем посыпались из раковины безо всякого видимого понукания.

«Эге!» – подумал Хаврон со странной уверенностью. – «Вот сейчас начнется! Позвонят в дверь, явится какой-нибудь шут гороховый, и пошло-поехало. Знаем: проходили!»

Откуда он знал, что что-то должно начаться, да еще и прямо сейчас, – непонятно, но знал твердо и наверняка. Это было надежное и уверенное предзнание, знакомое не одним только магам. Про запас накусав себе полный рот груши (руки стоило держать свободными на случай драки), Эдя поплелся к двери, пытаясь хотя бы приблизительно представить, что за ней окажется. Неприятный мордоворот, сварливая фея или просто старый приятель, притащившийся с милой просьбой, нельзя ли приткнуться в однокомнатной квартире без балкона четыре зимние покрывалки с дисками. Разумеется, приятелю откажут, и, разумеется, он оставит покрывалки до утра, чтобы потом забыть их до поздней осени.

Хаврон протянул уже руку к замку, когда звонок запоздало надумал и тренькнул, соблюдая ритуал привычных последовательностей. Безусловно, следовало спросить: «Кто там?» И, без сомнения, так поступил бы любой здравомыслящий человек, но проблема в том, что Эдя как раз не был ни любим, ни здравомыслящим.

Открыл – и все слова, которые обычно говорят в таких случаях, осыпались с голосовых связок невнятным набором звуков.

На площадке стояла и выжидательно смотрела на Эдю незнакомая русоволосая девушка. Это была самая прекрасная русоволосая девушка после Евы, ибо невозможно представить, чтобы праматерь была брюнеткой или блондинкой. Первые несколько мгновений Эдя был ошарашен и даже ослеплен, как человек, нечаянно взглянувший на солнце. Сказать, что эта девушка была в его вкусе, значит не сказать ничего: она была самым его вкусом. Не стрелой Купидона, а разрывной пулей, угодившей в самое сердце.

В комнате и в сумочке полный порядок (в отличие от той же Зозо, к слову сказать).

Работая в «Дамских пальчиках», Эдя насмотрелся на самых разных барышень и довольно хорошо просек суть большинства из них. Вплоть до того, что мог бы составлять справочники. Однако эта девушка по какой-то причине выпадала из общей схемы. Не офисная пленница, у которой на шее словно висит табличка: «Живу после шести вечера. До шести – мучаюсь»; не студентка, торопливо вставляющая в тетрадь сменный блок; не скучающая дамочка в духе «обнимите меня хоть кто-нибудь!», которая, садясь за стол, непременно выкладывает из сумочки и выстраивает в ряд каждодневные свои сокровища: пачку слабых ментоловых сигарет, тонкую изящную зажигалку и телефон.

– И-и-и... э-эээ... Привет! – сказал Хаврон, находя среди великого множества слов только это, простое, как напильник.

Девушка молчала. Она явно ожидала чего-то иного. Во взгляде, которым она смотрела на Эдю, была, пожалуй, обида.

– Я могу быть чем-то вам полезен? Вы к кому? – продолжал Эдя.

Фразы были скучные и тупые, что Хаврон в полной мере осознавал. Он испытывал странную стесненность в языковых средствах, но ничего не мог с собой поделать. Если бы девушка ему не нравилась или нравилась бы не так сильно – он осыпал бы ее целым ворохом остроумных слов. Сейчас же язык замерз и выдавал лишь банальности. Девушка продолжала удивленно молчать. Ее брови все больше напоминали полукруги вопросительных знаков. Перебрав варианты, Эдя пришел к выводу, что девушка либо ошиблась этажом – ибо в лифте с сожженными кнопками нажимать их приходилось наудачу, сообразуясь разве что с вдохновением, либо, что более вероятно, это какая-нибудь начинающая юристка, которую подослали затопленные соседи снизу. Настроение у Эди резко испортилось. Кратковременное наваждение было уничтожено.

– Хочу кое-что уточнить. Если ваш визит как-то связан с деньгами или вас подослали эти орангутанги снизу, то вам лучше сразу усвоить, что я... – решительно начал Эдя, но внезапно осекся, издав не сколько невнятных звуков, точно его речевая машинка засорилась гречневой кашей.

Из глаз незнакомки брызнули слезы. Не вытирая их, она оскорблено обернулась, собираясь уйти, но неожиданно покачнулась, а в следующую секунду Эдя обнаружил, что держит ее в объятиях.

– Ты все испортил! Я ожидала: большая и чистая любовь, настоящее чувство, а ты... Как я могла так ошибиться в человеке! Ты испортил... все испортил! – бессвязно бормоча, рыдала девушка.

Спина ее, которую Эдя, разумеется из чистого сострадания, поглаживал рукой, вздрагивала. От волос пахло горьковатыми, волнующими духами с ароматом полыни. Нельзя сказать, чтобы слезы девушки сломили Хаврона. Эдя относился к тому типу мужчин, которые считают,

что слезы нужны женщинам, как природе дождь, и если уж дождь идет, то пусть он будет сильным, чтобы побольше воды вы лилось и небо подольше оставалось чистым.

Но все равно ему было грустно. А если и правда существовала большая и чистая любовь, которую он случайно раздавил, как хрупкую елочную игрушку? Хотя что это за любовь, если ее так просто уничтожить? Любовь должна быть упругой и пушистой, как новый теннисный мяч.

Хаврон тоскливо замычал и уставился в паутинчатый потолок. Он не мог не признать, что эта странная особа его волнует, и даже очень, но все же слишком все было подозрительно. Казалось сомнительным, что его упитанная, небритая и нахальная физиономия способна пробудить в ком-то мечту о большой и светлой любви.

Внезапно девушка, которую Эдя незаметно для себя сжимал со все большим человеческим участием, энергично вырвалась и повернулась к нему.

– Не понял юмора! Кто ты вообще такая? – спросил Эдя.

– Ты хочешь сказать, что не узнал меня? – возмутилась девушка.

– Нет, ясный перец! Почему я должен кого-то там узнавать?

Девушка взвизгнула и попыталась ударить Хаврона кулаком. Эдя лениво уклонился.

– Спокойнее, родная!

– И ТЫ ГОВОРИШЬ ЭТО МНЕ? Я твоя невеста! Через месяц наша свадьба!

– Оп-с! – сказал Эдя, задумчиво потирая лоб. – Через месяц? Это ничего, бывает!

Девушка попыталась лягнуть его, но Эдя был наготове и поймал ее за ступню, заставив незнакомку смешно подпрыгивать на одной ноге.

– А ну, перестань меня трогать? Ты предложил мне деньги... Мне, как какой-то дряни! – воскликнула она, пылая от негодования.

– Извиняюсь. Денег-то я как раз не предлагал! Напротив, я исключил даже сам факт их случайного появления в моей квартире! – уточнил Хаврон.

– А еще ты сказал, что меня подослали какие-то там шимпанзе!

Эдя философски пожал плечами.

– Ты передергиваешь. О шимпанзе я не говорил. И вообще, у меня отвратительное чувство юмора. Я хочу сказать одно, а говорю совсем другое.

Незнакомка начала успокаиваться. Она последний раз судорожно вздохнула и вытерла слезы.

– Отпусти мою ногу! – потребовала она. Эдя отпустил.

– Какое сегодня число? – спросила девушка деловито.

– 27 апреля с утра было.

– Апреля? Не июня?

– В числах я путаюсь постоянно. Но не в месяцах. В месяцах и годах путается моя сестра, – заметил Эдя.

Девушка грустно села на пол и взлохматила себе волосы.

– О нет! Теперь все ясно!

– Что ясно?

– На дворе апрель – вот нелепость! Конечно, ты ничего не понимаешь, и я выгляжу как дура. Меня зовут Мила.

– Людмила?

– Нет, не Людмила, лучше Мила. Нет, ну надо же! Говорила же я ей; нельзя готовить эликсир в посуде с отбитой эмалью! И вот результат! Я промахнулась на два месяца. Она, как всегда, в своем репертуаре! – воскликнула девушка.

– Она – это кто? – уточнил Эдя.

– Бабушка, – после некоторой паузы сказала Мила.

– Твоя бабушка? Значит, мама моей будущей тещи?

– Похоже на то.

– А как, кстати, правильно называется мама тещи? Я, по-моему, не встречался еще с таким зоологическим термином, – неосторожно брякнул Эдя и тотчас, схватившись за живот, скорчился от сильнейшей рези. – О-о-оу! Блии-и-ин!

Мила нахмурилась, погрозила неизвестно кому кулаком и, точно снимая паутину, провела по воздуху рукой.

– Больно было? – спросила она участливо.

– Нет! Щекотно! – прохрипел Хаврон, с трудом разгибаясь.

– Лучше не говори ничего лишнего. Моя бабушка сильная колдунья. Она одна из немногих умеет готовить темпоральный эликсир. Выпить его можно только раз в жизни.

– Ага. И желательно наквакать эликсира в миску с отбитой эмалью, чтобы все провалилось куда подальше. Очень трезвый подход! Я заранее обожаю своих будущих родственников! – сказал Эдя сердито.

Мила посмотрела на Эдю с негодованием. Зрачки ее опасно сузились. Хаврон попятился. Он вспомнил, что способности к глазу передаются по наследству по женской линии. Но Мила уже взяла себя в руки.

– Ты ничего не понимаешь! Бабушка спасала тебе жизнь! Именно потому я и выпила эликсир, – терпеливо сказала она.

Эдя с сомнением поскреб небритую щеку.

– Спасала жизнь? Мне? Чего это она, а?

Девушка собственнически оглядела Эдю и сняла у него с плеча нитку.

– Майка светлая, а нитка темная. Не вижу логики, – сказала она ревниво.

– И я не вижу, потому что свитер у меня темный. Ты отвлеклась. С какой радости твоя бабушка вознамерилась меня спасти? – напомнил Эдя.

– Все просто. Я ее об этом попросила, – пожав плечами, сказала Мила. – За две недели до свадьбы на тебя напали, после чего ты исчез... В твоей комнате все было разбито, пол в крови. Поиски ничего не дали. Я плакала три дня... Ворожила сама, обращалась к лучшим магам. Бесплезно. Многие считали, что в твоём исчезновении замешана нежить. Вот только кто ее направлял, ты не знаешь?

– Трехдюймовочка, – брякнул Эдя. Известие, что его похитят, а то и убьют, Хаврону совсем не понравилось.

Мила подняла брови, порядком удивленная.

– Фея? Ты уверен, что это она?

– Совсем не уверен. Думаю, она грохнула бы меня сама... Лягушек, мышей, змей – ничего такого в комнате не было? – уточнил Хаврон.

– Нет. Никаких превращений. Это мы проверили особо, – заверила его Мила.

– И таракана с моим благородным римским профилем тоже не было? Тогда точно не она, – сказал Эдя, постепенно обретая чувство юмора.

Мила уныло кивнула. Эдя подумал, что там, в будущем, дело было куда серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Кому, интересно, он мог до такой степени насолить?

– А как мы с тобой познакомились? Ну в прошлый раз?.. – спросил он, поддаваясь внешне запному любопытству.

– Ты и этого не помнишь? – спросила Мила с сожалением. Похоже, для нее это воспоминание представляло немалую ценность.

– Наверное, я спас тебя от хулиганов. Ночь, луна, женский крик... Двое амбалов в темном переулке, – предположил Эдя.

– С амбалами в переулке я бы сама разобралась, – вздохнув, сказала Мила, и Эдя вспомнил, с кем имеет дело. – Дама и разбойники... Как это скучно. У нас все было куда романтичнее.

– Да? И как? – заинтересовался Эдя.

– Ты уронил мне в маршрутном такси на колени мороженое. Стал вытирать и налил в туфлю пива... Я тебя чуть не убила. Все ржали как чокнутые. Но, в общем, ты своего достиг: я обратила на тебя внимание, – с нежностью сказала Мила.

– А пиво-то откуда взялось? – не понял Эдя.

– Представления не имею. Это у тебя нужно спросить. В первый раз в жизни я видела оболтуса, у которого в одной руке пиво, а в другой мороженое!

Эдя округлился от гордости. Кто еще мог познакомиться так оригинально?

– А... ну да... Правда, чаще вместо мороженого я покупаю крабовые палочки, – поделился ОН.

– Чтобы крошить их в транспорте девушкам на колени? – ревниво спросила его невеста.

– Нет. В основном чтобы их есть. Мила слегка удивилась.

– А у нас они служат для опытов.

– В смысле?

– Эти крабовые палочки – ценная вещь. Их любят использовать в школах магии для опытов по оживлению. Третий или четвертый курс. Обычно при оживлении обнаруживается, что это там не крабы, а мелкая рыбешка, крахмал и яйца, – сказала Мила.

– Э-э-э... – пробурчал Эдя. – Слушай, а тогда, ну когда я облил тебя пивом, ты что, сразу поняла, что у нас будет роман?

Русоволосая наследница Евы вздохнула.

– Почти сразу, к сожалению. Я умею читать судьбу по рисунку радужки зрачка. Она гораздо надежнее ладони. Едва заглянув в твои глаза, я поняла, что влипла. И угораздило же меня оказаться в мире лопухоидов именно в этот день.

– Почему к сожалению-то? – не понял Хаврон. Мила посмотрела на него любящим терпеливым взглядом. Таким взглядом обычно смотрят мамочки, рассуждающие: «Хоть и сопливый, и нос в зеленке, а мой».

– Начнем с того, что ты совсем не в моем вкусе. Посмотри на себя в зеркало: небритый субъект в дурацкой пляжной майке, – сказала она.

– Спасибо за моральную поддержку. Это как раз то, что я давно мечтал услышать, – кланяясь, поблагодарил Эдя.

– Клоун! Паяц! Недаром моя бабушка говорит, что ты из этих... ну которые, когда их на лопату сажа-! ешь, ручки и ножки расставляют». – фыркнула Мила.

– А она случайно не в колумбарии работает? – сумрачно поинтересовался Эдя.

Девушка заверила его, что он ошибается. Бабушка вообще не работает. Однако о ней лучше не говорить. Так будет гораздо спокойнее.

– Мне дуется. Мы так и будем в коридоре стоять? – спросила она.

Эдя отодвинулся. Девушка прошла в комнату и затравленно огляделась. Под ноги ей метнулся египетский чемодан Зозо. Пестрые в цветочек обои лохматили взгляд. Из-под кровати круглым пыльным глазом смотрела штанга. Стулья и стол были завалены вещами – дикими бедными вещами, которые никогда не знали, что такое шкаф. Из решетки батареи одиноко торчал закушенный ботинок Забытый ошейник Депресняка болтался на люстре. Иногда Эде приходила фантазия поотрабатывать удары ногами, и ему нужна была высокая звякающая цель.

– Ты здесь впервые? – спросил Эдя.

Мила кивнула, скользя взглядом по дивану, покрытому чешуей старых журналов.

– Да.

– Так, значит, меня украли не отсюда?

– Нет. Но теперь я понимаю, почему ты не рвался меня сюда приглашать, – сказала она.

– Хм... Не обращай внимания на беспорядок У меня в доме ремонт. Меняю дизайн на более прогрессивный. Здесь будут стены в стиле «техно», прозрачные перегородки из бронестекла, медные панели и круглые люки, как у речных буксиров, – небрежно сказал Хаврон.

Он давно не заморачивался по поводу истины.

Истина вещь относительная, особенно в вещах таких зыбких, как человеческий быт.

– А этот питательный крем забыли штукатуры? – насмешливо спросила Мила, кивая на заваленный косметикой столик Зозо.

– Это вещи моей сестры. У нее серьезное психическое расстройство. Она боится темноты и одиночества, и мне пришлось поселить ее у себя. Другое дело, что это затянулось почти на тридцать J лет, – пояснил Эдя, для которого врать было естественно, как дышать.

– А у сестры есть сын? – спросила Мила с внезапным интересом. Ресницы ее заметно дрогнули, когда взгляд скользнул по кровати Мефодия.

– Да. Милый мальчуган. Дома не живет. И вообще непонятно где живет. И именно по этой причине я люблю его вдвойне, – заметил Эдя.

Уютно устроившись в единственном кресле, Мила по-кошачьи подтянула под себя ноги и вдруг поманила к себе Эдю. Хаврон наклонился, зажмурившись в сладком предвкушении поцелуя. Но – увы!

Мила схватила его руками за уши, притянула и несильно куснула в шею.

– Эй! Ты чего? – завопил Хаврон, вырываясь. Разумеется, он знал, что над мотивами женских поступков лучше не задумываться, ибо в этом случае они кажутся совсем бессмысленными, однако все равно был потрясен.

– Прости, дорогой... Дурная наследственность! Это у меня от бабушки... Но ты не бойся. Я никогда не доведу укусы до конца, – застенчиво улыбаясь, сказала Мила и с видом добродетельной домохозяйки сняла с майки Хаврона еще одну, на этот раз несуществующую ниточку.

– А зачем тогда было это делать? – подозрительно сказал Хаврон, потирая шею. Крови не было, однако бедная артерия пульсировала в неясной тревоге.

– Ерунда... Старое вампирское приветствие. Люди пожимают друг другу руки, а вампиры обмениваются ритуальными укусами. Все очень мягко и деликатно, – объяснила ему невеста. Эдя только вздохнул.

– Теперь я понимаю, почему женщины на вечеринках делают вид, что целуются, хотя на самом деле клюют губами воздух. Это тоже такой вампирский анахронизм, – сказал он.

– Ну уж не знаю. Я вампирша только на четверть. Это даже в документах не указывается. По документам я белый маг. Тебя это не смущает, милый?

– Смущает, – сказал Эдя. – Твоя родня. Если честно, то знакомиться с твоими родственниками мне совсем расхотелось. Мила погладила его по руке.

– Да, я знаю... Честно говоря, они тоже не восторге. Когда я сказала им, что мне сделал предложение лопухоид, пришлось вызывать наряд циклопов. Иначе они бы тебя прикончили. Особенно бесился старший братец... Он никак не может простить лопухоидам, что его обезглавили в Лионе за людоедство. На шее остался омерзительный шрам. На самом деле никакой он не людоед. Просто он оживлял покойников и отправлял их грабить банки.

– С-совсем озверели: казнить за такие м-мелочи! – заикаясь, сказал Эдя.

– Вот и мой брат тоже так считает. Хочешь, устрой встречу, чтобы ты сам ему все сказал? Ему будет приятно.

– Не надо. Не факт, что это будет приятно мне. А раз так, то лучше не экспериментировать, – заикнулся Эдя.

Мила вскочила с ногами на кресло и, оказавшись вровень с лицом Хаврона, потерлась носом его нос. Эдя провалился в пуховую перину блаженства.

– Ты прав, – промурлыкала невеста. – На твоём месте я бы тоже боялась узнать, что будет скоро. Очень скоро.

Эде стало не по себе.

Глава третья. ЗОВЫВ ШРОНЕБ ЛОПЧНО

Ты повзрослела. И поумнела. И погрустнела.

Обычная лестница из трех ступенек.

Фраза из ненаписанного письма

– С меня обед. Пошли куда-нибудь сходим! – сказал Матвей после тяжелейшей из тренировок, когда у Ирки в запястьях поселилась мертвящая тяжесть. С правой руки еще понятно, но зачем метать левой, когда пальцы сводит судорога?

– Не пойду, – проговорила Ирка. – Я хочу упасть и уснуть. Больше ничего.

– Я знаю, что ты устала... Но тело – тот еще союзник. Оно мечтает только есть и спать, а попутно поскорее ослабеть, состариться и сдохнуть. Не думаю, что надо слишком уж спешить навстречу его Желаниям, – безжалостно сказал Багров.

Ирка вздохнула. Она была вконец измотана. Измотана даже для того, чтобы выслушивать умные и правильные вещи.

Ну ладно еще физические тренировки или десятикилометровый забег по пересеченной местности, когда выматываешься настолько, что сам не понимаешь, то ли ты бежишь навстречу деревьям, то ли они прыгают прямо на тебя невесть откуда. Намного больше Ирка ненавидела то, что Багров называл «душедробилкой».

Внешне это было просто. Багров, слегка уставший, вальяжный, сидел на бревне или стоял, привалившись спиной к дереву. Изредка большим и указательным пальцами он пощипывал себя за переносицу, близко ко лбу, как человек, у которого немного болит голова. Была у него такая привычка. Когда он поднимал руку, на запястье поблескивал браслет. Тот самый, что, делая его удачливым, раздвигал несчастья, повисавшие над ним дамочловым мечом.

– Готова? – спрашивал он спокойно.

– Да, – отвечала Ирка, стараясь, чтобы в голосе прозвучала уверенность, которой не было в мыслях.

Багров, прекрасно ощущавший зазор между реальным и мнимым, улыбался краем рта и подавал знак. Ирка раз за разом начинала отрабатывать какое-либо движение. Ну, скажем, наносила копьём серию быстрых уколов, которую завершала решительным и мощным выпадом.

Матвей неотрывно смотрел на нее. Через какое-то время Ирка, до того спокойно наносившая уколы, начинала испытывать тревогу. То ей мерещилось, что за ее спиной кто-то стоит. Она резко оборачивалась, но зачерпывала взглядом лишь пустоту. То чудилось, что тело охвачено огнем, – и лишь продолжая наносить копьём уколы, она убеждалась, что это иллюзия. То охватывала уверенность, что Бабаня некогда поломала ей позвоночник специально, с дальновидной целью, и надо немедленно пойти и заколоть ее, и что тогда, возможно, родители оживут. Да-да, оживут, потому что они и не умерли вовсе, а превращены мерзкой ведьмой в цветок и в фарфоровую фигурку собаки в спальне. Ирка, счастливая шизофреническим своим знанием, начинала уже идти в осененное надеждой *никуда* и останавливалась, лишь наткнувшись на насмешливый взгляд Багрова. Матвей успокаивал ее, приказывал взять себя в руки и... принимался за пытку снова.

Иногда бывало хуже – переставало хватать воздуха. Она начинала задыхаться. Хотелось упасть на колени и умереть, тихо и безмолвно, а надо было раз за разом продолжать наносить эти проклятые уколы. Самое простое движение становилось бессмысленным, тяжелым и неле-

пым, и нередко бывало, что Ирка роняла копье и без сил сползала на землю. И вновь вставала, слыша смех Багрова.

– Ничего не поделаешь, валькирия! Возможно, я жесток, но это излюбленный способ атаки темных магов и стражей. Если противник силен, они не нападают открыто и предпочитают измотать его. Истомить невыполнимыми желаниями, растревожить надеждами, разогреть искушениями до состояния расплавленного металла и затем резко бросить в холод отчаяния и депрессии. Поверь, самые стойкие души лопаются тогда как стекло.

– И что же делать? – спрашивала Ирка, ощущая полную бесперспективность борьбы с собой.

– А ничего! Просто закусить губу и идти вперед. Прошибать стены лбом, оторвать безысходности мягкие лапки и засунуть их в черное хавало отчаяния. Видеть цель и ничего, кроме цели, – отвечал Матвей.

Так было уже десять месяцев подряд, изо дня в день, непрерывные испытания духа и тела. Выходные отсутствовали. Багров вслед за своим учителем Мировудом любил повторять, что у сердца отпуска нет, а раз так, то надо брать с него пример.

Как бы там ни было, а тяжелые тренировки шли Ирке на пользу. Порой она с удовольствием ощущала, что многое уже получается и, пожалуй, тому, кто встретится с нею в бою, придется несладко.

– А с драконом я могла бы справиться? – спросила она однажды после особенно удачного броска, когда ей с завязанными глазами удалось поразить копьем монету, которую Багров подобрал в небо в сотне метров от нее.

Багров оценивающе посмотрел на нее. Причем, как показалось Ирке, оценивал он не столько ее физическое состояние, сколько не сошла ли она с ума.

– Очень сомнительно, – сказал он.

– Даже если я стану хорошим воином?

В глазах у Багрова мелькнула озорная чертинка.

– Драконы по определению питаются хорошими воинами. От плохих у них изжога.

– А есть у меня шанс когда-нибудь нарваться на дракона?

Матвей пожал плечами.

– Не исключено, хотя последнее время для боевых операций они редко используются. В лопуховидный же мир драконов давно не берут. Берегут хрупкую психику зверушек. Автобусы и всякая прочая механическая нежить плохо влияют на пищеварение... А теперь за работу! Солнце еще высоко, до вампиров еще далеко.

Кроме «душедробилки», превращений и приевшегося метания копья существовали многочисленные упражнения ума вроде интуитивного разгадывания рун или перстневой магии. Порой Ирка зубрила и магические заклинания. Зачем – непонятно. Матвей утверждал, что у валькирии они не сработают, однако Ирка не могла остановиться. Как патологическая отличница, они пожирала знания в любых количествах и без хлеба. Бабаня, помнится, шутила, что окажись Ирка на необитаемом острове, из книг имея лишь телефонный справочник, она от нечего делать принялась бы заучивать телефоны наизусть.

«Образование – это то, от чего всю жизнь уворачиваешься, но что в результате все равно налипает», – думала временами Ирка.

Но вернемся к текущей минуте. Хотя Ирке и не хотелось никуда идти, Багров настойчиво приглашал ее обедать.

– Задобрить хочешь? – поинтересовалась Ирка.

– Да нет. Просто накормить. И самому перекусить.

– А деньги у тебя есть?

Багров даже не попытался ради приличия сунуть руку в карман.

– Деньги? Какой уважающий себя маг станет носить с собой деньги? Я же не светлый страж из Эдема, с детства контуженный хорошими манерами.

– И как мы выкрутимся? Пойдем по следам Эссиорха? Будем выискивать неудачливые котлеты, которые уже свалились с вилки, но еще не пола, где их поджидают коварные микробусы? – спросила Ирка, зная об этом от самого хранителя.

– Неудачливые котлеты оставим Эссиорху. Я придумал кое-что получше! – сказал Матвей.

– Опять расплатишься заклинанием «*отвяжум отменяжум*»? Или заставишь официанта отсчитывать тебе сдачу с конфетного фантика? – поинтересовалась Ирка, вспоминая их последнее посещение общепита.

– Он сам нарвался. Никто не просил его интересоваться, где наша мамочка и кем мы друг другу приходимся. Я всего лишь поставил его на место, – сухо ответил Багров.

Лицо его стало холодным и неприятным, как в день, когда он едва не устроил несчастному официанту сердечный приступ и, с трудом остановленный Иркой, все же отыгрался в финале, заставив бегать по всему залу за сдачей с фантика.

Сегодня у Багорова явно был другой план. Он решительно вел Ирку по лабиринту переулков.

– Куда мы идем? – спросила Ирка.

– На северо-восток, – лаконично ответил Багров.

– Хм... И долго еще?

– Двенадцать воплей светлого мага, который попал себе молотком по ногтю, – охотно пояснил Матвей.

Больше Ирка вопросов не задавала. Во всяком случае, до тех пор, пока минут пятнадцать навстречу им не выскочил ресторан «БАГРОФФ».

– Ты пришел сюда, потому что ты тоже Багров? – поинтересовалась Ирка.

– Именно. Если носишь родовую фамилию, ее надо оправдывать.

Багров толкнул дверь, строго посмотрел на гардеробщика-тире-швейцара-тире-охранника-тире-еще-кого-то-там в одном лице, который хотел вякнуть что-то на тему скокалетанубрысьотсюданадосовестьзнать, но отчего-то передумал и торопливо отодвинулся в тень фальшивой пальмы, пытаясь спрятаться за ее волосатым стволом. Позже, особенно в дружеском кругу, особенно приняв на грудь белой прозрачной, он многократно задавался вопросом, что заставило его так поступить, но ответа не было, и лишь грустное мычание вырывалось тогда из широкой груди его.

Ирка и Матвей поднялись на второй этаж по винтовой лестнице, где официантка со скучающим лицом подала им меню. Матвей небрежно просмотрел дутые вычурными шрифтами страницы и заказал:

– Саворен с французскими фруктами. Осетр а-ля Рус... Девушке шофруа из перепелов со страсбургским паштетом... будьте любезны.

Измученная официантка хотела выронить карандаш, но вместо этого обозлилась и посоветовала:

– Хочется посмеяться – своди девушку в цирк!

Пожав плечами с благородным негодованием, Матвей молча показал на длинную вывеску, утверждавшую: «**У нас есть все! Найди в меню то, чего нет**» – и получи бесплатный фирменный обед».

Затем, так же молча, Багров вручил девушке меню. Среди скучных, заезженных строк, знакомых ей до чертиков и сообщавших о свинине по-немецки и салате «Праздничный», выделялась страница, способная растревожить воображение самого бывалого гастронома:

1) *Пирожки:*

Риссоли-шассер

Тарталетки Монгля
Стружки перигор
Балованы финансьер
2) *Шофруа из перепелов*
со страсбургским паштетом
Соус провансаль
3) *Осетры а-ля Рус на Генсберне*
Соус Аспергез
4) *Пуши мандариновый*
5) *Жаркое:*
Фазаны китайские
Рябчики сибирские
Куропатки красные
Пулярды французские
Цыплята
Салат рамен со свежими огурцами
6) *Саворен с французскими фруктами*
7) *Mes amis*
Конфекты

Заметив, что Ирка ничего не понимает, Матвей сунул ей другую кожаную папку и ногтем отчеркнул нужный текст.

– Где ты его взял? – шепнула Ирка.

– Это меню торжественного обеда, данного в «Славянском базаре» 5 ноября 1901 года, – так же тихо отвечал Багров.

– И куда катится человечество? От всего этого великолепия остался только соус провансаль. И тот сделался майонезом, – заметила Ирка.

Ознакомившись с этим изумительным меню, официантка вскинула недоверчивые глаза на Багрова.

– В чем дело? – спросил он строго. – Ресторан для официанта, паровоз для машиниста? Проснувшись, девушка схватила папку и унесла свое недовольство жизнью на кухню.

– Когда очнетесь, два фирменных обеда, пожалуйста! – напомнил ей вслед Матвей.

У дверей кухни обозначилась веселая суета – мелькнул повар не в белом, а в синем каком-то колпаке и замахал руками. На его зов, дробно стуча серебряными копытцами, заспешили две официантки из верхнего и одна из нижнего зала. Суета переросла в легкую панику, когда на столике у кухни выросла целая стопка меню со всего ресторана.

Расталкивая участливые головы официанток околпаченной макушкой, повар принялся недоверчиво сравнивать все меню одно за другим. Результат оставался для Ирки тайной до тех пор, пока повар не подпрыгнул и, сердито буркнув что-то, не скрылся на кухне.

– Думает, что вклеили страницы... До чего же скучны и подозрительны люди! Пройди для них по воде, и они тотчас заявят, что под водой была песчаная мель, а то и скрытый деревянный настил на якорях, – заметил Багров.

Вспомнив, что обещанного три года ждут, а халявы – так и все четыре, Матвей стимулировал кухонный энтузиазм заклинанием. Это возымело эффект, и вскоре на столе возникло два долгожданных обеда. Повар и официантки, вытянув лапки, как те послушные еноты, которые сами себя освеживали, стояли и смотрели на них со слезливым умилением. Матвей произнес еще одно заклинание, и они в счастливой задумчивости разбрелись на все четыре стороны, не замечая дверей и лестниц.

– Слушай, – спросила Ирка, кромсая тупым ножом венскую колбаску, – а почему нельзя было Просто телепортировать два обеда в парк? Э?

Матвей свернул салфетку подзорной трубой и сквозь нее стал разглядывать Ирку.

– И это говорит мне валькирия! Кошмар! – сказал он, улыбаясь.

Улыбка у него была открытая и хорошая. Ирка ее любила. А вот ухмылку... ухмылку она совсем не любила. Да и усмешку, пожалуй, тоже. В ней было нечто снисходительно-высокомерное, о чем сам хозяин, должно быть, и не догадывался даже.

– Почему кошмар?

– Банальная телепортация обедов – это воровство. Воровать же против моих правил, – сказал Багров.

– А это не воровство? Явиться в ресторан и переделать все меню? Багров вздохнул.

– Так прорисовывается нечто хотя бы минимально величественное. Хотя бы мошенничество с театральным уклоном...

– А если магические продукты?

– Ну уж нет... Уволь! Магические продукты – это для мечтателей. Одна сплошная иллюзия.

– Я мечтательница, – сказала Ирка.

– Возможно. Но не твой желудок. Он-то практик, – пояснил Багров.

Ирка хотела заявить, что и желудок у нее такой же мечтатель, как и она сама, и вообще садовник с яблони далеко не падает, но случайно перевела взгляд чуть в сторону. Вилка ее звякнула о тарелку, так никогда и не пронзив маленький маринованный помидор. Почудилось ей, будто в стеклянной блестящей вазе, где одиноким холостяком обитал искусственный подсолнух, мелькнуло отвратительное, жуткое лицо с резкими чертами. Лицо страшное и асимметричное. Одна половина была раздута точно флюсом, другая же ссохлась, как у мумии. Сквозь прорвавшуюся ссохшуюся щеку желтели неровные зубы.

Ирка обернулась, смутно надеясь, что это обычная игра отражений и страшное лицо окажется на деле милой мордочкой одного из кухонных обитателей. Но нет... За спиной у нее никто не стоял. Съездившееся лицо нехорошо ухмыльнулось, на мгновение высунуло из вазы палец, начертило что-то в воздухе и растаяло. Там же, где в рамках с морскими пейзажами бодро плескались корабли, теперь сияли золотистые буквы готических очертаний:

РОКОС.

Видя, как исказилось лицо Ирки, Багров повернулся, однако буквы уже растаяли, и коварная ваза выглядела заурядно, как математический гений на конкурсе строя и песни.

– Что там было? – спросил Багров.

Ирка повторила надпись на салфетке, стараясь воспроизвести не только само слово, но и его очертания.

– Рокос? – задумчиво повторил Матвей. – Рокос – слово ночного языка. Означает «скоро». Ночной язык любит изломанные слова.

– А кто говорит на ночном языке?

– Многие. Само по себе слово еще не указывает на кого-то конкретно, – осторожно отозвался Багров.

– А если это послание от других валькирий? – предположила Ирка.

– Исключено. Валькирии не пишут готикой. Этот шрифт не для созданий света, – уверенно сказал Багров.

– А ты можешь узнать, кто был там? В вазе?

– Не уверен, но попытаться можно. Дай-ка еще раз взглянуть!

Тщательно изучив буквы, Матвей небрежно бросил салфетку в пепельницу, прищурился, и салфетка рассыпалась холодным пеплом. Далее Багров повел себя еще загадочнее. Взял из тарелки куриную кость,дохнул на нее и положил на стол. Затем взял еще несколько костей и последовательно проделал с ними то же самое. Горка костей на крахмаленной скатерти выглядела странно, однако Багрова это не смущало.

Махнув рукой, он экранировался от остального зала и начисто стер всю память о себе в сознании лопухоидов. Теперь для всех случайных зрителей их стол был пуст, однако официантке даже в голову не могло прийти посадить за него кого-то другого.

– Зачем ты набросал костей? – спросила Ирка.

– Не мешай! – сквозь зубы ответил Матвей.

Под его взглядом кости начали мелко подрагивать и рассыпались в костяной порошок. Коснувшись порошка перстнем, Багров пробурчал что-то себе под нос. Красная искра, скользя по перстню, сделала сероватый порошок вязким. Смесь вспузырилась. На краях выступила мутная пена, похожая на мясную накипь.

Однако Багров остался недоволен. Ирка услышала, как он буркнул: «Мало влаги!» Брезгливо отодвинув локоть от расплывшейся пенной лужи, он взял стакан с минералкой и, высоко держа руку, уронил в порошок несколько капель воды.

Там, где вода попала в пену, что-то забурлило. Мутный и грязный фонтанчик брызнул в потолок. Опасаясь, что ее намочит, Ирка поспешно отодвинулась вместе со стулом. Костяной порошок кипел. Из центра лужи наверх тянулось нечто, покрытое липкой пеной.

Ирка с ужасом различила голову, ноги, руки. Фигура распрямлялась, росла, пока не стала наконец Размером с безымянный палец. Все было смазанным и клейким. Кое-как вылепленная голова не имела ни глаз, ни ушей. Но главное было очевидно: перед ними стояло нечто живое. Знаком потребовав у Ирки, чтобы она молчала, Багров обратился к существу:

– Костяной человек, ты слышишь меня? В слепой голове появилась короткая трещина, открывавшаяся и смыкавшаяся при каждом слове.

– Слышу! – сиплю отозвалось существо.

– Кто я? – продолжал Багров.

– Ты мой повелитель. Я твой раб.

– Чего желаешь ты, раб?

Клейкий рот с усилием разомкнулся:

– Я хочу, чтобы ты позволил мне уйти. Я вновь хочу стать ничем.

– Почему? Что в этом хорошего? – забыв о предупреждении, спросила Ирка.

Багров предупреждающе толкнул её коленом, однако было поздно. Костяной человек повернулся на звук Иркиного голоса.

– Мне больно быть чем-то. Больно жить и думать. Позволь мне стать ничем, хозяйка?

– Разве цель в том, чтобы стать ничем? – не поверила Ирка.

– Счастье в отсутствии памяти. В полном исчезновении. Почему кричит младенец? Ему больно. Он не хотел приходить в этот мир. А я хочу из него уйти!

Гомункул поднял руку. Его высыхающие пальцы осыпались на стол костяным порошком.

– Они уже свободны, – чувствуя это, завистливо просипел костяной человек. – А теперь я хочу быть свободен весь. Кто ты, вопрошающая? Обладаешь ли ты властью отпустить меня?

Ирка растерялась, не зная, надо ли отвечать. Багров своеобразно пришел ей на помощь. Мгновенно свернув салфетку, он всунул ее Ирке в рот тугим шариком. Все произошло так быстро, что Ирка успела лишь негодующе замычать.

– Властью отпустить тебя обладаю лишь я. Ответ на единственный вопрос – и можешь вновь стать ничем, – сказал Багров.

– Да, повелитель. Пусть будет, как ты пожелаешь. Только поспеши. Мне больно жить, – смиренно отвечал костяной человек. Его рука осыпалась до локтя.

– На стене мы видели слово «рокос», что значит «скоро». Кто написал его и чего он хочет? – спросил Багров.

Гомункул усмехнулся. Во всяком случае, это можно было истолковать так, ибо трещина его рта пошла вниз.

– Ты солгал, повелитель, – сказал он.

– Солгал? – возвысил голос Багров.

– Ты сказал: *мы* видели буквы. *Ты* не видел их. Тот, кто писал их, писал их не для тебя. От тебя лично, юный волхв, он ничего не хочет, – отвечал костяной человек.

Он стал как будто меньше ростом. Ирка увидела, что колени его осыпаются, обращаясь в костяной прах. Время истекало. С разрешением или без него гомункул все же уходил в свое блаженное ничто. Существо чувствовало это и нарочно шевелилось, спеша рассыпаться быстрее.

– Кто он? Чего хочет? Торопись, или я вновь воссоздам тебя, не дав тебе уйти, – пригрозила Багров.

Ирке показалось, что гомункул испугался.

– Только не это! Я не хочу рождаться вновь... Это так больно и так бесполезно. «Рокос» писался для той, кто молчит и боится меня. Для глупой молодой валькирии, которая думает, что мне мало ее голоса, чтобы знать всё! – прошамкал костяной человек.

– Кто он, написавший «рокос»? Враг, друг?

– Враг.

– Чего он желает от валькирии?

– Ее смерти. Тому, кто написал «рокос», нужен архей валькирии.

– Арх... что? – изумилась Ирка, языком выталкивая салфетку.

Прежде она слышала лишь об эйдосе. На этот раз Багров даже минимально не стал церемониться и щелчком пальцев заморозил Ирке язык.

– Где искать врага, чтобы найти его первым? – быстро спросил он.

– Найти врага первым невозможно. Она сама найдет валькирию, когда... – прошуршало существо.

Фраза так никогда и не была закончена. Гомункул рассыпался. Лишь серая кучка праха лежала на скатерти. Багров поднял перстень, чтобы вновь оживить ее, но искры погасали, едва коснувшись пепла.

– Ну вот, не получается... Загробный мир считает, что дал нам все ответы... И зачем надо было дважды влезать в разговор? Еще немного – и он рассказал бы нам все! Ну зачем ты влезла, скажи, зачем? – хмурясь, сказал Багров.

Ирка умоляюще замычала.

– Что, звук не работает? А по мне так даже лучше. Женщины с отключаемой речью – венец генной инженерии, – сказал Багров, однако речь ей великодушно вернул. – Так и быть: можешь конвертировать золото молчания в серебро слов. Какой у нас нынче курс? Одно «м-му» на три вяка? – поинтересовался он.

Ирка бросила в него хлебом. Она была сердита как пчела, получившая в глаз от осы из-за всяких шмелиных дел. Хлеб отскочил и, упав в костяную муку, мгновенно покрылся могильной зеленью. Ирка вскрикнула. Услышав ее крик, прах превратился в змейку, которая быстро поползла по складкам скатерти к валькирии. Багров спокойно поймал змейку, встряхнул ее – и вот уже на столе ничего нет, кроме знакомых куриных костей.

– Мерзость какая! – с трудом выговорила Ирка.

– Ты испугалась. Простейшая реакция на страх, – пояснил Багров.

– Я не о змее. О вызове гомункула! Матвей удивился.

– В самом деле? Рядовая некромагия. Отнюдь не самый страшный ее ритуал. Но все равно сожалею, что ты это видела. Если бы не ограничения, я сделал бы это без тебя.

– Какие ограничения?

– Мы должны были сотворить гомункула как можно скорее, пока твои впечатления еще свежи, возможности костяных людей не безграничны. Зато теперь мы знаем, что у тебя есть враг. Он...

– Она... Это была она... В последней фразе гомонкул называл ее именно так... Багров не спорил.

– Возможно, и так, – сказал он.

– Что такое архей? – спросила Ирка.

– Слово со множеством значений. У масонов архей – нематериальное тело, которое мы создаем своими хорошими и не очень делами. Кроме того, еще есть архей – духи жизни. Есть архей – жизненная сила. Подозреваю, той, кто написала «рокос», архей нужен в этом последнем смысле.

– Зачем?

– Ты никогда не замечала, как стремительно перемещаются маленькие дети? С каким бесконечным транжирством они расходуют энергию? Глазами не уследишь. А вот дряхлый старик. Сидит на скамейке, греется на солнце, и жизнь в нем едва тлеет. И если посмотреть ему в глаза – там нет даже мысли. Одно спокойное ожидание, когда нужно будет собираться в дорогу, – заметил Багров.

Он просыпал на стол соль и задумчиво чертил по ней длинным ногтем мизинца какие-то знаки.

– Обычная история. Старость. Тело обветшало, – сказала Ирка.

– Понятно, что обветшало. Ни один хлам не служит вечно. Но тут другое. У упомянутого старика иссяк архей. Археи, духи жизни, что метались прежде в крови, горяча ее, больше не делают этого.

– Знаю. Эдя говорил как-то, что люди не умирают. В них просто садятся батарейки, – вспомнила Ирка.

Отчасти подражая Багрову, она тоже просыпала соль и стала водить по ней ногтем. Не то чтобы рисовала руны, а так, без особого смысла.

Матвей быстро вскинул голову.

– Что за Эдя? – спросил он с внезапным любопытством.

– Дядя Мефодия.

Багров вытянул губы трубочкой и недоверчиво присвистнул. Он умел это делать так, что даже и без всяких слов собеседник ощущал себя ниже любого фундамента.

– Это точно говорил Эдя? Не маг-фальсификатор Заратустра? – быстро уточнил он.

– Именно Эдя.

– Этот Эдя не дурак. Совсем не дурак. Не знай я, что он лопухоид, я заподозрил бы, что ему знакомы кое-какие откровения, – кивнул Багров.

Взгляд его скользнул по столу и внезапно остановился на том, что чертила на соли Ирка.

– Что ты делаешь? – спросил он резко.

– Я? Ничего. А что?

– Посмотри, что ты написала!

– Где? Я вообще ничего не писала!

– Да?! Это еще интереснее, потому что что-то определенно написано.

Ирка уставилась на соль и нервно отдернула мизинец.

– *Гот мертис!* – с удивлением прочитала она. – Ну и что? Это же просто буквы!

Матвей задумчиво постучал себя пальцами по худой ключице. Кость отозвалась глухим звуком.

– Буквы? Ну-ну! **«ГОТ МЕРТИС»** – готовься к смерти. Ночной язык.

Ирка пугливо подула на соль. Ведь это могло быть просто совпадение, не так ли?

– Я не знаю ночного языка! – сказала она.

– Разумеется, нет. Кто-то воспользовался тем что твои мысли были далеко. Ты не задумывалась, что делает твоя рука. Ну чертит по соли и чертит. Вот и результат.

– Она контролирует меня? Управляет моим телом? – спросила Ирка с ужасом. Багров покачал головой.

– Да нет же, говорю тебе. Дешевые фокусы когда мысль отвлекается, управлять рукой ничего не стоит. Кому-то очень хочется, чтобы ты утратила самообладание – всего-навсего.

Ирка встала, едва не уронив стул. Если цель действительно была такой, то ее врагу почти удалось ее достичь. У лестницы она нервно оглянулась на вазу И вновь ей показалось, что в мирном обиталище подсолнуха что-то мелькнуло. Лицо? Световой блик? Подсвеченный квадрат окна? Это было неуловимо. Захотелось скорее вырваться наружу, на свежий воздух и увидеть небо. Небо всегда давало ей силы.

Швейцаро-гардеробо-кто-то-там пасся внизу у пальмы и подобострастно помогал маленького роста дамочке надеть куртку из фальшивого леопарда заметив Багрова и Ирку, он озадаченно застыл и стал оттягивать от шеи воротник, ощутив тугую петлю беспокойства. Дамочка тем временем шарила сзади руками в надежде обрести рукава Один рукав она поймала-таки, а вот другой все ускользал Не замечая, гардеробщик все тянул куртку вверх, пока наконец птичий писк дамочки, чьи ноги были уже над полом, не вывел его из состояния задумчивости Ирка свободно вздохнула лишь на улице Багров спокойно шел рядом. Он двигался упруго и бесшумно, как кот.

– Ну что? В «Приют валькирий»? – предложил он.

Там, в укрытом в ветвях вагончике, они и жили за исключением тех дней, когда Ирка навещала Бабаню. Устроились они хорошо. Снаружи похожий на нелепый скворечник для скворцов-акселератов, внутри вагончик был очень просторен.

Расширенный пятым измерением до размеров приличного дома, он состоял из общей гостиной, оружейной комнаты и двух спален. Ирка, всегда имевшая дизайнерскую жилку, с удовольствием экспериментировала с обстановкой, мебелью, цветом стен. Багров с мужской снисходительностью качался в гамаке, терпеливо снося все перестановки. Когда же Ирка просила его переставить мебель, он делал это щелчком пальцев. При этом не раз случалось, что тяжелые диваны взвивались в воздух слишком энергично, и Ирка возмущенно говорила: «А можно не психовать?»

Один Антигон, тяжелый на подъем и обладавший железобетонными привычками, был недоволен частой сменой интерьера.

– Кошмарный монстр не ожидал, что с ним поступят так по-свински благородно! – говорил он сердито.

Демонстративно упрямясь, он отказывался ставить на ночь булаву в оружейную комнату, бросал камни из пращи на меткость, используя в качестве мишеней фарфоровые фигурки; вытирал пальцы о скатерть и сморкался в тяжелые гардины. За все эти поступки он был нещадно трепан за уши и один раз цинично обозван «замечательным человеком», после чего ушел в *сладкое омерзение*, из которого торчали ослиные уши запоя. И вот уже три дня от Антигона не было известий. Ирка была уверена, что он сидит где-нибудь на застекленной лоджии, зачерпывает перепончатыми пальцами забродившее варенье и сотрясает многоквартирный дом потусторонними подвываниями.

Возвращаться в «Приют валькирий» сейчас Ирка отказалась. Внутреннее беспокойство не отпускало ее. То и дело она оглядывалась, косилась на прохожих, всматривалась в стены, готовая каждое мгновение извлечь из воздуха и метнуть сияющий дрот. «Туда... теперь туда...» – вел ее внутренний голос. И, оказалось, знал куда вел.

Уже в первой подворотне, куда она свернула, подчиняясь интуиции, на стене у самой земли она заметила накорябанную надпись: «**ГоДеСня юЧоНь, кИрИлаВа**».

– Сегодня ночью, валькирия! – перевел Багров.

Надпись его явно заинтересовала. Бегло оглядев подворотню, он встал на колени и, предусмотрительно не касаясь букв, принялся разглядывать их.

– Тебе ничего не кажется странным? – обратился он к Ирке.

– Мне всё кажется странным, – нервно ответила она.

– Всё – это не величина. Когда магу или стражу кажется слишком много, ему не кажется ничего! – одернул ее Багров. – Ты заметила, как низко она расположена? Человек моего роста смог бы сделать такую надпись, только если бы лег на живот, что само по себе крайне неудобно. Даже ребенок написал бы ее вдвое выше.

– И кто это писал? Карлик? – спросила Ирка.

– Не обязательно. Но одно ясно: это писалось существом, которое появляется из-под земли.

Матвей встал и, отряхнув колени, еще раз оглядел арку. В глаза ему бросилась длинная трещина в асфальте, проходившая у стены дома.

– Вполне возможно, что писавший появился оттуда, – сказал он, кивая на трещину.

– Она же узкая, – сказала Ирка.

– Не такая уж узкая. Она такая, какая должна быть. И взгляни, как глубоко ушли буквы в стену! На «С» и на «Ч» кровь. Кто-то царапал стену рукой. Раздирал камень *голыми пальцами*. Не чувствуя боли. Понимаешь, о чем я?

Ирка покачала головой. Багров отколупнул от стены кусок штукатурки, повертел ее в пальцах и отбросил щелчком. Ирка ощутила, что он серьезно обеспокоен.

– Твой недруг мертвяк или оживленец. А если допустить, что это еще и «она», все встает на свои места. Тебя преследует полуночная ведьма.

Слово было произнесено. Ирка ощутила, как к ней тянутся мертвые скрюченные пальцы.

– Полуночная ведьма? Зачем я ей? – спросила она.

Багров недоверчиво улыбнулся.

– Неужели ты не знаешь, что связывает валькирий и полуночных ведьм?

– Нет.

– Точно не знаешь? Никогда не поверю. Ты разыгрываешь!

– Да не шучу я!

– Ну хорошо! Это **твоя** ведьма, вышедшая на **твой** след. И самое досадное, что как бы мне ни хотелось вмешаться, я не смогу. Созданиям мрака не страшна некромагия, – сказал Багров.

– Ты назвал ее **моей ведьмой**? Зачем я ей? – спросила Ирка с суеверным ужасом. Матвей перестал улыбаться.

– Всякая сущность имеет свою тень... Но начать лучше издали. Свет и мрак всегда стремились к балансу сил. В результате, после множества стычек и кровопролитных магических войн, установилось идеальное равенство. Разумеется, какие-то колебания могли быть, но самые незначительные. Например, у света больше воздушной рати, а у мрака больше хмырей, циклопов-берсерков или комиссионеров. И вот, когда на сторону света перешли валькирии и своими внезапными огненными рейдами нанесли мраку несколько серьезных поражений, Тартар сильно задумался. Надо было чем-то ответить, но чем, как? Что противопоставить валькириям? Тогда-то и появились полуночные ведьмы, антиподы валькирий.

– Появились? А до этого что, они соблюдали нейтралитет? – недоверчиво спросила Ирка, вспоминая раздвоенное лицо с порванной щекой и горящими глазами.

– До этого полуночных ведьм вообще не существовало. Их сотворили стражи мрака. Отыскали среди множества томящихся в Тартаре ведьм тринадцать самых опасных и оживили их, собрав из частей мертвых тел. Всех полуночных ведьм тринадцать. Столько же, сколько и валькирий. Полуночные ведьмы ищут валькирий и, обнаружив, сражаются с ними. Другого способа получить архей и, следовательно, жизнь у них нет, – заметил Багров, носком ботинка сбивая со стены надпись.

– Весело, – сказала Ирка хрипло.

– Куда уж веселее! Мировуд рассказывал: если полуночная ведьма одерживает верх, она выпивает побежденного до капли. Его тело выглядит потом как шкурка от маринованного помидора, который опустошили через прокушенную в боку дыру. Любишь помидорчики?

– С этой минуты терпеть не могу, – серьезно сказала Ирка.

– Тебе повезло, что ведьма выследила тебя только сейчас. В день, когда мы с тобой впервые встретились, у тебя вообще не было бы ни единого шанса.

– А сейчас шанс есть? – с надеждой спросила Ирка.

– Я не гадалка, – уклончиво ответил Багров, и, взглянув на его лицо, Ирка поняла, насколько все серьезно.

Матвей лег на живот и вновь заинтересовался щелью в земле. Из глубины поднимался едва заметный, прозрачный пар с трудноопределимым запахом. Ирка ощутила, как ее обдало чем-то холодным, подземным. Вначале пар вытекал медленно, неохотно но вдруг уплотнился и теперь вырывался толчками как замороженная глядела на него.

– Пошли отсюда, скорее! – негромко приказал Багров.

Он вскочил, взял Ирку под локоть и быстро повел ее, почти побежал, то и дело с беспокойством оглядываясь. Молодая валькирия тоже оглядывалась, хотя и не видела ничего опасного. За ними никто не бежал. Даже прохожие и те куда-то исчезли. Лишь бело-желтый туман, густея, скользил вдоль земли, перекатывался мутными шарами, похожими на клочья ваты.

– Не останавливайся! И никакой магии, никаких дров, никаких превращений, пока я не скажу! – нетерпеливо приказал Багров.

– Почему?

– Разве ты не видишь, что ползет за нами? – спросил Матвей с раздражением.

Тут только Ирка сообразила, что было в тумане настораживающего. Он существовал на очень ограниченной площади. Узкий и длинный, он скользил за ними лишенным формы змеем, отставая шагов на тридцать. Пока что разрыв только увеличивался, однако ясно было, что они не смогут идти бесконечно. Сейчас или позже – он настигнет их. День клонился к вечеру, а там и ночь не за горами.

Багров определенно что-то искал. Взгляд его быстро скользил по стенам домов и крышам.

– С последней надписью все ясно. Ей нужно было задержать нас у щели, и она это сделала... Выпустила туман! – проговорил он с досадой.

– Но зачем? Он усыпляющий? Ядовитый?

– Нет. Но он способен отнять у нас магию. Выпить ее, вобрать... Любая магия, которую мы сейчас применим, будет впитана туманом до капли... Мало тумана не опасно. Однако если мы окажемся в центре *облака*, нам конец.

– А если кинуть в туман копьём? – предложила Ирка.

– Ну... если оно у тебя лишнее – тогда конечно. Почему нет? – сказал Багров, продолжая деловито оглядывать дома.

Совсем близко Ирке почудился скрипучий смешок.

– А где сейчас сама ведьма? – нервно спросила она.

Багров пожал плечами.

– Не знаю. Где-то там, – сказал он, кивая на асфальт. – Пробирается по ходам нежити так же быстро, как мы идем по поверхности. Земля, и особенно Верхнее Подземье – ее территория. Твоя стихия – небо. Чем выше – тем ты сильнее.

Оценив расстояние до тумана, Багров шагнул к подъезду высотного дома и дернул дверь. По закону вездесущей подлости она была, естественно, заперта. По укоренившейся магической привычке Матвей поднял было перстень, но, спохватившись, опустил его. Мутные шары тумана, уже грязно-желтые, подкатывались все ближе.

– Чего мы ждем? Может, пойдем дальше? – спросила Ирка.

– Дальше тупик. И потом, этот дом – единственно подходящий из тех, что рядом, – про-
цедил Багров.

Шары были уже совсем близко, когда к подъезду подошла средних лет дама и, недо-
верчиво покосившись на них, открыла подъездную дверь магнитным ключом. Ирка и Багров,
нервно озираясь, заскочили в подъезд следом за ней. Их поведение показалось даме подозри-
тельным. Она то и дело оглядывалась и шевелила губами, на которых зрели, но никак не вызре-
вали какие-то негодующие слова.

У лифта все трое остановились, и Матвей, косясь на входную дверь, в широкую щель под
которой вот-вот мог просочиться туман, нажал кнопку вызова. Женщина, поджав губы, смот-
рела в сторону и двумя руками прижимала к себе сумочку. Лицо у нее было таким решитель-
ным, что чувствовалось, что каждую секунду она готова взвизгнуть: «Убивают!» – и броситься
барабанить в первую же дверь.

Багров не выдержал и вспылал.

– Послушайте! Если вы думаете, что нам нужна ваша сумка... – начал он.

– Ничего я не думаю. Отстаньте от меня! – нервно отвечала дама.

– Нет, вы так думаете... – продолжал Матвей настойчиво. – Вы думаете, что мы могли
следить за вами от банкомата и нам нужны те деньги, которые вы только что сняли с карточки?
Код карточки, к слову сказать, 1214. Не правда ли, Аделаида Михайловна?

Женщина пискнула и, попятившись, уткнулась спиной в стену.

– Так вот, Аделаида Михайловна: ваши восемь тысяч рублей, которые банкомат выдал
вам купюра ми по пятьсот рублей, нам не нужны! Кроме того, мы никому не скажем, что вы
живете в квартире по мер пятьдесят. Дверь открывается четырьмя поворотом желтого боль-
шого ключа направо. Кроме того, еще итальянский замок внизу. Его вы поставили после раз-
вода, чтобы муж не мог вывезти свои же собственные вещи! – безжалостно продолжал Багров.

Женщина пугливо хрипела, вжимаясь в стену. Во взгляде ее был ужас. Внизу, у почто-
вых ящиков, уже повисла желтоватая непрозрачная муть. Страшно было представить, что про-
изойдет, если кто-то откроет сейчас дверь и впустит весь магический туман сразу.

– Оставь! Не трогай ее! – сказала Ирка.

Багров равнодушно пожал плечами и прижался ухом к створкам шахты, проверяя, далеко
ли лифт. Видя, что на нее никто не нападает, дама разъярилась и атаковала сама. Она относи-
лась, видно, к числу людей, мгновенно наглеющих, едва противник дал слабину.

– Еще бы он меня трогал, уголовник малолетний! Я его самого трону! Выследил, да? А ну,
пойдем со мной в милицию! Сейчас ты у меня узнаешь, как к людям приставать! – взвизгнула
она, торопливо роясь в сумочке.

– Перцовый газовый баллончик просрочен. Потом, вы же сами отдали его вчера вашей
дочери Анечке, прежде чем отпустить ее на первое свидание с одноклассником! Кстати, свой
баллончик она сразу же отдала ему, и они пытались пшикать из него на ворону! – лениво
подсказал Багров.

– Надеюсь, этот одноклассник был не ты? от желания выпалить все и сразу, произнесла
дама.

– Не я, – успокоил ее Багров.

Туман у почтовых ящиков стремительно густел. К счастью, подошедший лифт гостепри-
имно распахнул свой львиный зев. Пропустив вперед Ирку, Багров шагнул следом и нажал
кнопку верхнего этажа. Дама с ними, разумеется, не поехала. Она меланхолично готовилась
обрушиться в обморок.

– Что ты на нее набросился? Ну женщина и женщина! Пусть бы себе косилась! – спросила
Ирка у Матвея, ощущая под ногами обнадеживающее дрожание лифтового пола.

– Нет, я так не могу. Если б ты знала, какие она мерзости о нас думала! И наркоманы
мы, и жулье, и в лифте будем гадить, и родители у нас бомжи. Ужасная помойка в голове у

этих приличных с виду дамочек! Ну кто ей, скажи, мешал подумать о нас, что-то хорошее? «Ну ребята... Ну спешат куда-то... И я когда-то была молодая... Наверное даже, эта девушка ему нравится...» Хотя бы так, – сказал Багров.

– «Наверное даже, эта девушка ему нравится»? Это ты о чем? – удивленно повторила Ирка.

Матвей не ответил и дважды сердито ткнул пальцем в уже нажатую кнопку.

– Ни о чем. Я же говорю – помойка у нее в голове... По-мой-ка! – торопливо проворчал он. – О, приехали! Выходи! Мы идем на крышу!

Ирка неохотно отвлеклась от интересной темы.

– А если туман просочится в шахту и тоже окажется на крыше?

– Исключено. Туман останется внизу. Чем выше, тем сильнее стихия воздуха и слабее стихия земля. В воздухе царствуешь ты, а на земле – полуночная ведьма. Именно поэтому я и выбирал дом повыше. Обычная девятиэтажка сравняла бы ваши шансы – не более, – заметил Багров.

Он вновь был в своей тарелке. Излучал самоуверенность. Едва двери лифта открылись, Багров проследовал на лестницу и оттуда – на крышу. Он не оборачивался. То, что Ирка тащится следом, – подразумевалось само собой. Молодую валькирию это ужасно раздражало, и она мысленно назвала Матвея «надутым ослиндием».

Едва она это сделала, как «надутый ослиндий» замер. Спина его окаменела.

«А ты не подзеркаливай!» – капризно подумала Ирка.

Дверь крыши была заперта на всячий замок, настроенный по всем признакам «не пропускать». Туман остался внизу. Угроза, что он втянет магию, исчезла. Зная это, Багров поднял перстень, собираясь внушить замку его глубокую неправоту, но в последний момент решил дать шанс Ирке.

– Вызови дрот... Так... Вставь его наконецник в замок... Поверни!

Ирка последовала его совету. К ее удивлению, широкое лезвие копья сузилось и вошло в узкую скважину без всяких препятствий. Легкий поворот, и замок печально закачался, повиснув на дужке. Они вышли на крышу. Под ними был город, полный сиюминутных желаний и светлых радостей. Куда-то, блестя плоскими жучьими спинами, пробегали автомобильчики. По тротуарам рассыпались мелкие, как крошки, пешеходы. Кое-где мелькали пестрые точки зонтиков. Ирка подняла голову, и по легкой, капельной, совсем невесомой измороси, которая тотчас покрыла ее лицо, вспомнила старую добрую истину Винни-ибн-Пуха и Пята-бель-Чка, что «кажется, дождь начинается».

Багров, настороженный и недоверчивый, подошел к краю крыши и всмотрелся вниз. Ирка последовала его примеру, однако не увидела ничего примечательного. Оттуда, где они стояли, видна была лишь плоская, уходящая вниз перспектива дома.

– Отлично... просто отлично... – сказал Багров себе под нос.

– Что ты там высматриваешь? Там же ничего нет, – удивилась Ирка.

Матвей молча повернулся к ней. В руках у него возник голубь, белый до ослепительности. Маленькая голова, изгиб шеи и тугая грудь говорили о породе. Птица косилась на Багрова тревожно-ошалелым взглядом. Должно быть, еще секунду назад она спокойно сидела в элитной голубятне.

Деловито осмотрев птицу, Матвей передал ее Ирке.

– Дохни на голубя, валькирия! Отдай ему частицу себя! – приказал он.

– Зачем?

– Потом поймешь. Сделай то, что я сказал... Так нужно!

Ирка послушно взяла птицу. Голубь был упругим, теплым, вполне материальным. Бьющийся комок жизни с торопящимся сердцем. Нахохлившись, голубь недовольно шевелился

в руках у Ирки, пытаясь высвободить крылья, и скашивал на нее глаза. Ирка подула ему на голову, и тот сразу притих, ловя клювом теплый воздух.

– Готово? – нетерпеливо спросил Багров, внимательно глядя на голубя. – Умница, то что надо!.. А теперь подойди к краю крыши, вот сюда... Подошла? Бросай его!

– Что, прямо вниз? – нерешительно спросила Ирка, которой даже смотреть тревожно было с такой высоты.

– Смелее бросай! Не разобьется! Это же птица! – приказал Багров.

Ирка нерешительно подбросила голубя. Тот сразу раскинул крылья и, подхваченный упругим ветром, стал кругами снижаться. Ирке он напоминал газету, сорванную ветром с балкона. Такой же порывистый, полный непредсказуемого изящества полет и то же мгновенное замирание с распластанными крыльями.

Напружинившись, точно охотящийся кот, Багров следил за птицей. Его голова нависала над пустотой.

– Приготовь дрот! Скорее! Когда что-то почувствуешь – бросай!.. – приказал он.

– Бросай?! В кого?

Багров сердито взглянул на Ирку и сразу же снова на голубя. В его взгляде читалось, что если что-то надо объяснять, то объяснять не надо.

– В меня! – сердито передразнил он, – Разве не понятно? Где копьё?

Вскоре голубь стал не крупнее белой точки. Несколько раз точка исчезала, но потом появлялась вновь. Далекое детское воспоминание проснулось в памяти Ирки.

Вот она стоит на берегу пруда и смотрит, как отец ловит рыбу. Сильный ветер с берега лохматит рядом стоящие ивы и надувает ей, Ирке, платье. У нее мерзнут ноги, но ей все равно почему-то весело. Поплавок – юркий упитанный призрак с красной верхушкой – мелькает в сильной ряби, изредка показывая пенопластовое брюхо, такое же мимолетно и остро-белое.

Голубь почти достиг земли, когда что-то быстрое и темное отделилось от стены дома. Белую точку закрыла темная тень. Ирка удивленно заморгала, не понимая, что происходит.

– Бросай! Ну-у! – страшно крикнул Багров.

Дрот сам собой хищно рванулся из Иркиной руки, но она, жалея птицу, сжала пальцы и не пустила его. Темная тень исчезла. Ирка опустила руку.

– Почему ты не бросила? – тяжело дыша от гнева, спросил Матвей.

– Там же птица! Я бы попала в нее!

– Правильно. Именно в птицу и надо было кидать!

– Ка-ак?

– Дрот бы поразил ее вместе с тенью! Для этого я и выбрал белого голубя! Нужна была хорошо заметная мишень! – пояснил Багров.

– Мишень? Но он же живой! Ты что, не понимаешь: голубь – живой! – вознегодовала Ирка.

– Был живой. Есть такой хороший земной глагол: был, – спокойно перебил ее Матвей.

– То есть как?

Глянув с крыши вниз, Багров сжал и сразу же разжал ладонь. Ирка увидела невесть как оказавшееся в ней окровавленное перо.

– Полуночные ведьмы ненавидят птиц. Патологически. Я знал, что она не удержится... У тебя был хороший шанс прикончить ведьму. Ты им не воспользовалась, – устало сказал Матвей.

Ирка не поверила своим ушам.

– Значит, выпуская птицу, ты заранее знал, что она обречена? – спросила она, мучительно вглядываясь ему в глаза в поисках ответа и боясь, очень боясь получить этот ответ.

Багров пожал плечами.

– Что из того, если знал? Когда ты ловишь рыбу на червя, тебя очень смущает судьба червя?

– Ты знал, – убито сказала Ирка. В ее сердце обвалился карточный дом.

– Нельзя, в конце концов, быть такой сентиментальной! Ты не слезливая художница, которая ловит на кухне мотыльков в коробок, чтобы отпустить их в лесу! Ты – гвардия света! – воскликнул он.

Ирка грустно смотрела на него. Простить ему птицу – такую живую, – на которую она только что дышала, она не могла.

– Это нечестно! Я думала, что... И потом, ведьма была совсем не готова! – негодуя, начала она.

– Не надо думать! Это война! – рассердился Багров. – Знаешь, сколько народу в Тартаре могут сказать: «Он поступил нечестно! У нас же было перемирие!»

– Но мы не в Тартаре! Светлые не должны так нападать! – отрезала Ирка.

Багров согласился с ней, вскользь заметив, что именно по этой причине темные живут в среднем гораздо дольше.

– Они не тонут в сентиментальных соплях, когда доходит до дела, – заметил он.

Ирка не слушала его. Тоска, что кто-то, казавшийся близким, оказался чужим и жестоким, – навалилась на нее дряблым брюхом. Памятью ладоней она ощущала еще теплые тугие бока птицы, от которой осталось одно окровавленное перо. В данную секунду Багров казался ей хуже, чем полуночная ведьма. В ведьме, во всяком случае, она никогда не разочаровывалась.

Повернувшись (Матвей продолжал говорить что-то, но она не слышала голоса, хотя рот его и открывался, как у марионетки), она бросилась бежать. Не думая куда, не думая зачем. Просто чтобы не видеть его. За вентиляционной трубой, откуда явственно доносился запах пригоревшего молока, она поспешно сдернула куртку и стала превращаться в лебедя. К тому времени, как Матвей нашел ее, трансформация почти завершилась.

За трубой Багров увидел деву-лебедь, руки которой стали крыльями. Черты лица неуловимо менялись. И вот уже у Ирки появился крепкий желто-коричневый клюв.

– Снизись, и ведьма прикончит тебя! Я же говорил: она ненавидит птиц! – холодно сказал Багров.

– Тогда прикончи меня сам! Тебе же это ничего не стоит!.. Ну!

Последние слова ее были неразборчивы и напоминали лебединый крик.

Багров сделал шаг ей навстречу. Лицо у него было красным, оскорбленным. Не дожидаясь, пока он схватит ее, Ирка бросилась к краю крыши, оттолкнулась и начала падать. Мир завертелся. Зеленым квадратом заметался скверик внизу, играя в бешеную чехарду с томящими своим однообразием балконами. Ирка смутно надеялась увидеть смазанную фигуру Багрова, который – она знала это – стоит на краю крыши, но крыша срезалась в пустоту и исчезла. И вот наконец ветер упруго толкнул ее в раскинутые крылья. Превращение завершилось. Озорная, бесстрашная душа лебедя заполнила Иркино сознание. Круг за кругом Ирка снижалась, зная, что где-то близко, там, где уравниваются стихии земли и воздуха, притаилась полуночная ведьма. Испытывала ли Ирка страх? Да нет, пожалуй. Скорее она теперь испытывала азарт... азарт молодого и сильного лебедя. Ирка увлеклась борьбой с ветром и едва не просмотрела ведьму. К счастью, чуткий птичий взгляд зацепил странное пятно на одноцветной стене дома – пятно, похожее на шлепок серой глины, которой спешно залепили щель. Ирка пригляделась, и ужас перемешался с омерзением. Серая, плоская, к дому прижалась ведьма и, вцепившись в стену синими ногтями, карабкалась вверх. К ее жуткому лицу – Распухшему, с порванной щекой – прилипло несколько белых перьев. Глаза смотрели колючками.

И если бы взглядом можно было убить – Ирка была бы уже мертва, столько молчаливой, сосредоточенной ненависти полыхало в глазах ведьмы. Валькирия ясно ощутила, что ведьма хочет прыгнуть, но она так и не прыгнула, поскольку лебедь был слишком далеко. Вместо этого

ведьма вытянула палец – страшный сизый палец, на котором дрожало похожее на каплю ртути кольцо. Не дожидаясь, пока от кольца оторвется искра, Ирка сложила крылья и нырнула вниз.

Посланная вслед искра скользнула по перьям и опалила шею холодным огнем. Боль прокатилась по телу тремя ледяными волнами, заставив лебедя гневно протрубить. Ирка расправила крылья и, поймав тугий дружественный ветер, стала набирать высоту, ощущая с каждым новым взмахом крыльев, как ослабевает гипнотическая власть взгляда ведьмы.

Сосредоточенный гнев, который безуспешно пытался вызвать у нее Матвей, вспыхнул теперь сам. Перелетев на балкон стоявшего напротив дома (блочная девятиэтажка с рыжими подтеками на стенах), лебедь забился между детских санок и выставленных на медленное умирание связок «умных» журналов, дебелие телеса которых перепоясывал шпагат.

Ослабляя боль, которая до сих пор жила в ней, Ирка вернула себе человеческий облик и распрямилась с сияющим дротом в руке. Теперь копье полетело бы без колебаний. Однако ведьма уже исчезла. Там, где недавно на стене распласталось серое пятно, чернела крупная надпись:

зОвЫв шРоНеБ лОпЧнОв

И, хотя рядом с ней не было Багрова, Ирка странным образом поняла все сама:

«Вызов брошен. Полночь».

Глава четвёртая. УЛИЦА ЛЕВОНА ТОЛСТОГО

Экзюпери заблуждается. Мы ответственны за тех, кого приручили, но не обязаны церемониться с теми, кто притворился прирученным, чтобы приручить нас.

Йозеф Эметс, венгерский философ

В тот вечер в сумрачной резиденции мрака, в комнате, которую освещала единственная черная свеча, произошло чудо. Уже собираясь ложиться, Мефодий внезапно ощутил приятное размягчение души, точно ангел, пролетая, коснулся его своим крылом.

Он свесил ноги с кровати и задумался, испытывая редко посещавшее его желание осмыслить свою жизнь. Нельзя сказать, чтобы Меф жил совсем уж в потоке, позволяя реке дней нести себя. С другой стороны, за сотнями важных, а чаще неважных и мелких дел, за их мельтешением, похожим на пляску бумажек в струе вентилятора, он нередко забывал о главном, о том, что жизнь его годна на нечто большее, чем сиюминутная служба мраку. Служба, к которой он относился так, как взрослые нередко относятся к работе, – как к неизбежному злу, от которого никуда не деться и которое следует переносить по возможности с юмором. Вот только беда, что юмор часто перерастал в веселую обреченность. Не с ней ли Меф бил комиссионеров по лбу печатью мрака? Бил, но все же поневоле ставил оттиски в их пакостные пергаменты, позволявшие им избегать Тартара и приносить мраку жатву в виде единственно ценного и неучтожимо вечного в этом мире – эйдосов.

Взгляд Мефа рассеянно обшарил темные углы комнаты и, вернувшись к свече, скользнул по лежащей с ней рядом тетради с пружинным переплетом, на обложке которой значилось: «Общая тетрадь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.